

Спартанец

Автор:

Алексей Живой

Спартанец

Алексей Живой

Империя #1

Отправляясь на подавление бунта в зоне, молодой боец спецназа «Тайфун» Тарас Черный не подозревал, чем закончится для него этот выезд. После взрыва светозвуковой гранаты он потерял сознание, а очнулся уже в другом времени и другой стране, «провалившись» в прошлое.

Эта страна называется Спарта. А он сам как две капли воды похож на молодого спартамца по имени Гисандр, случайно погибшего у него на глазах. Заняв место Гисандра в строю спартанских «волчат», Тарас вынужден каждый день доказывать в этом новом мире свое право на жизнь. Свою силу, смелость и ловкость, потому что слабые здесь не выживают. Потому что здесь царят «дикие» нравы. Потому что вся жизнь спартамцев – это подготовка к смерти на поле битвы, которая покрывает их славой.

До сражения у Фермопил два года. Легендарный царь Леонид еще жив и только собирает отряд из трехсот спартамцев, чтобы преградить дорогу многотысячной армии персов, несущих смерть и рабство народам Греции.

Алексей Живой

Империя: Спартанец

Пролог

Узкая тропинка уходила в гору, петляя меж скалистых отрогов. То тут, то там виднелись расселины, из которых часто поднимался пар, – дыхание горячих источников, вокруг которых обычно собирались верующие, чтобы омыться перед посещением храма Аполлона.

Но сегодня утром у источников людей не было. Храм ожидал особых гостей. Сотня длинноволосых воинов, облаченных в доспехи и красные плащи, быстро шагали вверх по извилистой тропе, несмотря на то что каждый из них сжимал в правой руке копье, а в левой круглый щит. Солнце играло на боках массивных шлемов с гребнями из красных перьев.

В центре процессии шестеро воинов, разбившись по двое, тащили на своих плечах тяжелые ящики, привязав их для верности кожаными ремнями к копьям. Эти ящики, обитые медными пластинами и закрытые на замки, больше походили на ларцы для сокровищ. Пот струился по лицам «носильщиков», но ни один из них за все время пути не издал ни звука и ни разу не пожаловался на тяжесть ноши. А день обещал быть жарким.

Небольшой отряд спартанцев еще накануне вечером прибыл в Дельфы, раскинувшись у подножия горы Парнас, но для того, чтобы подняться в храм Аполлона, нужно было дождаться утра. И царь Леонид в точности выполнил наказ дельфийских жрецов. Он, сам верховный жрец своей страны, как никто другой знал, как важно чтить богов, в точности исполняя все обычаи. Ни к одному важному делу не стоило приступать, не получив на то предсказания Дельфийского оракула, а тем более к такому делу, которое задумал царь Леонид. Задумал втайне от эфоров[1 - Эфор – от греческого «надзирающий» – высшая судебная должность в Спарте. В первые годы появления должности эфоры, скорее всего, назначались царем для его замещения во время военных походов. В обязанности эфора (всего их было пять) изначально входили только судебные функции в гражданских делах. Но постепенно эфорат расширил свои полномочия, выйдя из-под контроля царей. А вскоре сам поставил под контроль общины царскую власть. Эфоры выбирались на один год. Переизбрание на второй год запрещалось.], уже отобравших у спартанских царей часть их древней власти и с каждым годом стремившихся контролировать их все больше.

Однако Спарта регулярно приносила большие дары в дельфийский храм Аполлона после каждой победы, и оракул часто поддерживал спартанских царей-жрецов в их начинаниях. А в последнее время даже против воли эфоров.

«Если и на этот раз оракул возвестит правоту царя Спарты, – подумал Леонид, шествуя впереди отряда своих телохранителей и поглядывая на ящики с золотом, отобранные в последней битве у аргивцев[2 - Аргивцы – граждане города Аргоса в Арголиде, соседствующего со Спартой. По большей части Аргос – постоянный противник Спарты, спорящей с ним из-за Кинурии, территории, примыкавшей к северной границе ее владений.], – то даже трусливые эфоры не смогут мне помешать осуществить задуманное».

Снова посмотрев вперед, Леонид заметил величественный храм, который стоял на скалистом гребне Парнаса, возвышаясь над Дельфами, как и положено святилищу. Царь, много раз бывавший здесь прежде, отлично знал дорогу к оракулу, столь явно благоволившему к Спарте. Оставалось пройти вверх пару стадий[3 - Стадия (греческая) – расстояние, равное 178 метрам.] по самому краю пропасти, затем обогнуть еще два отрога, миновать Кастальский источник, в котором совершала омовения Пифия[4 - Пифия – прорицательница, через которую «говорил» Аполлон. Стоявшие рядом жрецы записывали ее слова и давали ответ вопрошавшему в стихотворном и довольно «туманном» виде.], и оказаться на священной территории храма, устроенного жрецами на том самом месте, где согласно преданию древних Аполлон победил грозного змея Пифона.

Взбивая пыль на горной дороге, спартанцы вскоре оказались у самых ворот храма. И Леонид, повернув к нему свое скуластое лицо, разглядел чуть в стороне небольшую рощицу из лавров – священных деревьев самого Аполлона. За их кронами был укрыт от посторонних взоров тот самый источник, в котором купалась Пифия. Роща вплотную примыкала к священной территории храма, и оттуда Пифия, надев золототканую одежду, распустив волосы и украсив голову венком из лавровых ветвей, могла, никем не увиденная, пройти в адитон[5 - Адитон – внутренняя часть храма.], где свершала свои пророчества.

Беспрепятственно войдя во двор храма, к обширной территории которого примыкало несколько каменных строений, Леонид приказал своим воинам остановиться. Спартанцы замерли, выстроившись в шеренги, и опустили щиты и копья на землю. Двор горного святилища, обычно полный народа в те дни, когда пифия делала свои пророчества, сейчас был пуст. Никто с благоговением не рассматривал статуи мойр[6 - Мойры – богини человеческой судьбы. Слово

«мойра» по-гречески означает «доля», «часть», что символизирует участь, которую при рождении получает человек. Греки изображали их в виде трех старух – Клото, Лахесис, Атропос, – прядущих нити судьбы.], украшавших храм Аполлона. Лишь несколько работников прошли стороной. Стараясь не смотреть на прибывших спартанцев, они быстро исчезли за оградой.

Из-за колоннады главного здания на шум вышел жрец – высокий бородатый мужчина в длинном белом одеянии, расшитом понизу золотой нитью. Он был уже стар, но еще крепко стоял на ногах и всем своим видом излучал величие – ведь он был близок к оракулу, которому внимала вся Эллада.

– Рад видеть тебя, храбрейший Леонид, царь великой Спарты! – поприветствовал жрец командира спартанцев, слегка подняв руку.

– И я рад видеть тебя, благочестивый Эврип, – поклонился Леонид, – прими эти дары, которые Лакедемон[7 - Государство спартанцев на полуострове Пелопоннес в древности именовалось Лакедемон, а Спартой назывались лишь несколько поселений на правом берегу реки Эврот. Впоследствии название этого политического центра в области Лакония перешло на все принадлежащие государству (как исконные, так и завоеванные) земли.] жертвует Аполлону.

По его знаку шестеро «носильщиков» подняли стоявшие на камнях ящики и, сделав несколько шагов вперед, вновь опустили их у нижних ступеней мраморной лестницы.

– Боги отблагодарят тебя за твою щедрость, – проговорил старец, оглядев со своего места внушительных размеров ларцы, – пусть их занесут в храм. Но Пифия еще не закончила свои ритуальные омовения, и тебе придется ждать здесь, пока я не позову.

Леонид молча поклонился и знаком показал солдатам сделать так, как велел жрец. Шестеро воинов последовали за Эврипом в храм и вскоре вернулись, оставив там сокровища.

Ожидать, пока прорицательница будет готова общаться с богами, спартанцам пришлось довольно долго. Стоя на солнцепеке в полном боевом облачении, воины обливались потом, и от нечего делать изучали надписи на фронте храма. Однако это было им не в тягость. Вся их жизнь была изнурительной

подготовкой к войне, поэтому простая жара не могла всерьез расстроить спартиатов.[8 - Спартиаты – так называли себя полноправные спартанские граждане.]

Леонид тоже невольно поднял голову, смахнул с виска капли пота и прочел глубоко высеченные на сером камне изречения семи мудрецов – «Познай самого себя» и «Ничего сверх меры». Эти изречения предназначались не только для спартанцев, но больше всего подходили именно к ним. Остальные греки меры не знали. В этом спартанский царь из рода Агиадов, хранителей древних законов Лакедемона, был уверен.

Прочитав слова мудрецов, Леонид окинул взглядом обширный двор храма, примыкавшие к нему строения и земли, считавшиеся священными, невольно вспомнив о том, что согласно закону здесь могли сколь угодно долго скрываться беглые цари или другие неугодные новым властителям люди. Едва добравшись до храма, беглецы могли чувствовать себя в полной безопасности: они находились под защитой Аполлона, и здесь никто не мог их тронуть, пока они сами не пожелают покинуть храм. История греческих царств, даже самой Спарты, знала тому немало примеров.

– Ты можешь войти, Леонид! – внезапно расколов тишину знойного дня, позвал голос из-за колонн.

Спартанский царь кивнул стоявшему рядом с ним воину, остававшемуся за командира, и, придерживая ножны меча, поднялся по ступеням лестницы. Жрец уже находился в глубине храма. Стоя на границе адитона, он бросил взгляд на Леонида, указав ему место, где спартанский царь должен был слушать изречения Пифии и ожидать сообщения жрецов. А затем скрылся в запретном для всех гостей помещении, уходившем в глубину скалы.

Помедлив мгновение, Леонид шагнул к вырубленной в скале арке и остановился, сняв шлем. Дальше начиналась внутренняя часть храма Аполлона, недоступная для всех простых смертных и даже для царей. Никто из них не имел права ни заходить, ни заглядывать в пещеру, где находилась золотая статуя Аполлона, священный источник, бивший из недр горы, и саркофаг с истлевшим телом Пифона. Посреди пещеры, тонувшей в полумраке, имелась площадка с расселиной в скале, из которой исходили зловонные испарения источника. Там же, прямо над трещиной, стоял золотой треножник, на котором сейчас восседала Пифия. Ничего этого Леонид не мог видеть, поскольку, выполняя

указания жреца, остановился в нескольких шагах от входа в пещеру. Но как царь Спарты, он бывал в ней раньше, в дни, когда предсказания не давались, и видел своими глазами все сакральные предметы, помогавшие жрецам слушать голоса богов.

Дыхание горы доносилось и сюда, отчего стоявший в нескольких шагах от расселины Леонид, сделав несколько вдохов сладковатого пара, покачулся. Голова царя закружилась, но он устоял на ногах, стряхнув с себя оцепенение.

– Спрашивай... – низким дребезжащим голосом произнесла Пифия, голос которой, отразившись от сводов священной пещеры, отчетливо донесся до Леонида.

– Я хочу знать, – медленно произнес Леонид, проведя рукой по своей бороде, – будет ли иметь успех то дело, которое я задумал, чтобы возвеличить Спарту...Спроси об этом Аполлона.

Наступило долгое молчание. Все время, пока оно тянулось, Леонид напряженно вслушивался и жадно ловил каждый вздох, доносившийся из пещеры. Наконец из адитона послышалось тихое завывание, оно постепенно усиливалось, а затем вдруг перешло в смех. Пифия смеялась! Затем все снова стихло и только сладкий запах, доносившийся из адитона, опять стал обволакивать Леонида, затуманивая разум.

– Грядет великая битва, – взвизгнула Пифия, – в которой ты победишь врагов, пришедших с востока...но грязь и смерть будут стоять за твоими плечами...

Леонид молча кивнул, он понял, о каких врагах идет речь, даже без объяснений жрецов. А грязь и смерть для него привычны.

– Что будет дальше? – негромко, но твердо спросил царь. – Пусть Аполлон предскажет мне.

Сквозь пар до Леонида донеслись рыдания. Теперь Пифия плакала. Но вскоре ее низкий голос зазвучал снова.

– Лакедемон содрогнется... – прошипела Пифия, – вся Греция содрогнется...

Леонид замер, даже затаил дыхание, отступив на шаг от пещеры. Аполлон читал в его сердце.

– Летящие змеи падут с небес на землю, чтобы сожрать потомков Геракла. Морские гады выйдут на сушу, и хаос бесконечной войны охватит ее, – произнесла Пифия и вновь перешла на крик. – Моря станут красными от крови, а пустыня соленой. Погибнут все, лишь Лакедемон устоит.

Голос Пифии внезапно ослаб, и, уже еле слышно, она произнесла:

– И тогда придет новый властелин мира и народы падут к его ногам...

Спартанский царь вновь сделал шаг в сторону адитона, словно боялся пропустить самое важное. Но Пифия больше ничего не сказала. Лишь тихое бормотание доносилось теперь до его слуха.

Внезапно из глубины пещеры появился Эврип.

– Аполлон сказал свое слово, – произнес жрец, глядя в глаза Леониду, – оракул с толкованием ты получишь сегодня же вечером.

Потрясенный Леонид отступил на шаг, сжимая в руках шлем. Ему и так было все ясно. Бог утвердил его в том, что следовало сделать.

Часть первая

Глава первая

«Тайфун» работает

БТР на полном ходу проехал через открытые охранниками ворота «шлюза», ворвался на территорию тюрьмы, взял влево и оказался на плацу, до отказа

забитом разбушевавшимися зэками. Увидев мчавшийся прямо в толпу на полной скорости БТР спецназа «Тайфун», знакомый многим из них не понаслышке, взбунтовавшиеся бросились врассыпную. В этот момент с башни БТРа в воздух прострелкотала короткая пулеметная очередь, добавившая зэкам прыти. Словно тараканы, они стали забиваться во все щели, расталкивая друг друга, ломиться в двери барakov, карабкаться по обледеневшим настенным лестницам, рискуя сорваться вниз. Бунт бунтом, а жизнь была дороже.

– Полегче, Колян, – предупредил стрелка в башне командир, сидевший внизу, – не зацепи кого-нибудь.

И добавил, процедив сквозь зубы: «раньше времени».

– Да я в воздух, – отмахнулся Колян, разворачивая тяжелую машину, – больше для острastки.

За первым БТРом на территорию взбунтовавшейся в Ленинградской области тюрьмы въехали еще три, остановившись на расчищенном плацу.

– За мной, – приказал командир группы лейтенант Широкий[9 - Все совпадения имен персонажей с реальными людьми случайны.] и, перехватив огромной ладонью автомат, первым выпрыгнул наружу через открывшийся люк. Вторым на плац спрыгнул рядовой Пархоменко, инструктор-подрывник штурмового отряда. Третьим Тарас Черный, крепко сжимая автомат и озираясь по сторонам, – как ни крути, а первый «боевой» выезд после армии и зачисления на службу в «Тайфун». За ним из бронированного чрева машины посыпались остальные спецназовцы.

Не прошло и десяти секунд, как на плацу оказались четыре группы, в каждой по семеро бойцов. Окинув тяжелым взглядом быстро опустевший плац, лейтенант Широкий приказал, слегка повысив голос и не трогая рацию, торчавшую из кармана бронежилета.

– Чемизов и Кардыба берут второй и третий бараки, Семенов первый, за мной четвертый. Все. Начинаем зачистку.

Командиры подразделений молча кивнули и разбежались со своими группами по указанным направлениям. Они были отлично знакомы с расположением барakov

в этой зоне, где им уже приходилось бывать. Гнилая была зона. Непокойная. Ее на бунт поднять, как два пальца испачкать. Но это было лет десять назад, как рассказывали Тарасу опытные бойцы по дороге сюда. А с тех пор, как «Тайфун» пару раз навестил этот адрес, зэки немного присмирели. Почти половина отправилась залечивать случайные раны, переломы и сотрясения мозга в медицинский изолятор, где долго потом добрым словом вспоминала бойцов, которые помогли им откосить от тяжелых работ.

Но эти предания Тарас слушал вполуха. Он, конечно, отслужил срочную в десантуре, имел черный пояс по карате и боксировал на разряд. Но все-таки зону усмирить – это не на ринге выстоять три раунда. Здесь – бои без правил. А положенный курс молодого бойца после отбора и зачисления в «Тайфун» он едва успел пройти до конца, как случилась эта заварушка.

Вот и сейчас, топая подкованными берцами[10 - Берцы – высокие шнурованные ботинки из кожи.] по асфальтированному плацу к барaku, где зэки уже успели забаррикадироваться, Тарас подумал, что восемь человек против сотни разъяренных зэков это как-то маловато. «Держись за спиной бывалых, – приказал лейтенант Широкий, назначая его в группу, – и все будет пучком. Главное, на первом выезде не проворонь перо под ребро и не пристрели кого-нибудь сдуру. Это тебе не армия. А потом привыкнешь».

И Тарас бежал за спинами бывалых бойцов, на каждом из которых кроме шлема, бронежилета и автомата было навешано много всяких приспособлений, нужных для быстрого вскрытия закрытых дверей и «вырубания» большого количества людей в тесном помещении. Светозвуковые гранаты «Заря», например, лишавшие всех, кто оказался рядом, зрения и слуха почти на пятьдесят процентов. Газовые и дымовые шашки. А чего стоил один только нож-тесак с широким лезвием, похожий на мачете и лопату одновременно. Им можно было делать все: и зэка резать, и решетку пилить, и банку тушенки вскрыть при необходимости.

Спины бойцов штурмового отряда, маячившие перед Тарасом, были, надо сказать, широкие. Тарас и сам был не хлипкий, – метр восемьдесят пять ростом, и мышцы имелись, но эти «штурмовики» были почти под два метра. А лицом и телосложением они походили на боксера Валуева, хотя тот против них казался просто бледной немочью. Особенно против Вадика, большого специалиста по рукопашному бою и холодному оружию. Вадик своим тесаком мог так виртуозно порезать костюм на человеке – на ленты весь распадется, а сам без царапины

останешься.

Поначалу Тараса из-за его роста чуть не обидели – хотели зачислить в снайперы или в подрывники, – туда брали толковых ребят пониже ростом. Но стрелок из Тараса оказался не лучший, да терпения и усидчивости не хватало, чтобы научиться минному делу. А вот подраться, кулаками помахать, «помесить» кого-нибудь от души, это он любил. Да еще чтобы противник с ножичком в руках был, так интересней. Адреналин прет, когда у тебя перед глазами сталь сверкает.

Но «бывалые» бойцы «Тайфуна», не один раз смотавшиеся в чеченскую командировку, уже успели объяснить ему, что это все ребячество. Настоящий адреналин там, на войне. Правда, если с первого раза не получилось, то второго может и не быть. Но Тараса и это не останавливало. Он был не прочь съездить на войну, подставить свою буйную голову под пули горцев. В мирное время жизнь для него казалась скучной. Потому, видно, едва вернувшись из армии, сразу принялся искать себе занятие по душе. Чтобы повоевать можно было хоть иногда. И, похоже, нашел.

Дверь в барак оказалась завалена изнутри.

– Всем отойти от двери! – рявкнул Широкий так, чтобы его и без «матюгальника» услышали зэки, и, не заботясь больше об этом, приказал: – Пархоменко, работай.

Боец привычным движением выхватил из кармана лифчика[11 - Лифчик – так в просторечии называют разгрузочный жилет бойца спецназа, предназначенный для равномерного распределения веса боевого снаряжения.] кусок пластиковой взрывчатки, воткнул в нее короткий шнур, прилепил на дверь, поджег и отскочил в сторону. Все остальные тоже прижались к стене. Взрывом металлическую дверь сорвало с петель и вдавило в тамбур. Но она не упала, лишь опрокинулась. Дав очередь в воздух, бойцы посыпались внутрь, перемахивая через столы и шкаф, подпиравшие дверь с той стороны. Но зэки уже отошли дальше, спрятавшись за следующей дверью тамбура. Оттуда слышались пьяные голоса, поносившие «Тайфун» на все лады. Видно, отступать дальше было некуда. Готовились дать последний бой «ментам поганым».

Когда дым рассеялся, пробравшийся в тамбур Тарас увидел в дальнем углу мертвого охранника в камуфляже. Решив, что его случайно убило взрывом, он насторожился. Но, присмотревшись, увидел лужу крови, натекающую из рваной

раны на шее. Кровь уже запеклась, хотя труп был недавний.

– Чем это они его? – спросил Тарас у Вадика, тоже смотревшего на мертвеца. – Ножом?

– Каким ножом, дурик, – просветил новобранца Вадик, – ээку заточенной ложки хватит, чтобы тебя на тот свет отправить.

– Вот суки, – сплюнул Тарас, покрепче сжимая автомат.

– Так-то, брат, – кивнул головой Вадик и добавил громко: – Тут не зевай. Мочи всех, кто подвернется.

Тарас бросил короткий взгляд на командира, стоявшего в двух шагах, но тот ничего не сказал. Видно, ситуации и в самом деле бывали разные.

Второй взрыв произошел без предупреждения. На сей раз Пархоменко удвоил заряд, и дверь вышибло так, что придавило двух ээков, слишком близко подошедших к баррикаде из тумбочек и стульев. Ворвавшиеся под стрельбу в потолок спецназовцы прошлись по ним сверху, не обращая внимания на стоны придавленных, и сразу набросились на особо буйных, которые стояли в первой шеренге. Было их десятка два, судя по рожам, все обкуренные, с ножами и железными прутьями. Остальные орали из-за их спин до тех пор, пока «Тайфун» не начал работать по-настоящему. В близком контакте, прижимая к койкам.

Тарас, хоть и передвигался во второй шеренге, тоже быстро вошел в раж рукопашной. Убивать даже тех, кто бросался на тебя с ножом, было запрещено. Только в крайнем случае. И все же наступление нескольких человек в бронежилетах на сотню пьяных и обкуренных ээков, которым было нечего терять, выглядело даже для недавнего десантника диким.

Услышав пальбу, многие ээки попадали на пол, отползая в дальний конец барака. Но зачинщики продолжали драться со спецназовцами, стремясь задавить их числом и посадить на перо. Этот номер не прошел. Вадик и трое бойцов, дав пару очередей в потолок, быстро разворотили прикладами несколько подвернувшихся челюстей, пинком ноги отправляя бунтарей в нокаут. Еще двоим, бросившимся на него с заточками, Вадик безжалостно сломал ноги, вмазав подошвой ботинка по коленям.

Тарас тоже предпочитал работать прикладом автомата, не выпуская его из рук. Так он вырубил двоих урок, прыгнувших на него с арматурой. Увернувшись от первого удара, он въехал ботинком в промежность нападавшему, – лысому и голому по пояс детине, тело которого было синим от наколок, – заставив его позабыть обо всем на свете, и свалиться с диким воем, зажав руками свое раздавленное хозяйство. Второму Тарас засадил под ребра прикладом, а когда тот задохнулся от боли, добавил еще удар в лоб. Выронив арматуру, зэк завалился на спину и пропал за потными телами своих сокамерников, сгрудившимися между коек.

Это наступление в центре быстро прорвало оборону, и вскоре «заградотряд» четвертого барака валялся на полу, стоная на все лады. Но «Тайфун» продолжал зачистку. Вадик и остальные бойцы месили зэков, больше не прибегая даже к устрашающим выстрелам до тех пор, пока в плотной толпе заключенных не появилась просека до самого конца барака. А все, кто попытался оказать хоть какое-нибудь сопротивление, были заботливо уложены мордой в пол и приласканы прикладом по голове. Глядя на них сзади, Тарас, которому лейтенант после успешного наступления приказал охранять дверь, подумал, что Вадик вел себя как настоящий цепной пес, который получил команду «фас» и теперь не остановится, пока не отметелит всех, кто встал у него на пути. И количество врагов не имело значения. Сто их там или двести. Не важно. Он молотил зэков без страха и усталости, даже с каким-то особым удовольствием.

– Хорошо сработали, быстро, – заметил лейтенант Широкий, осмотрев поле битвы, оставшееся за спецназом. – Даже газ не пришлось использовать. Размялись, да и только.

Прогулявшись между койками, он приказал:

– Особо буйных спеленать и в карцер.

– Да им скорее больничка понадобится, – усмехнулся Вадик, пнув носком ботинка одного из местных паханов, – буйных мы всех уже научили жизни. Век не забудут.

Широкий прислушался к стонам, доносившимся из всех углов захваченного барака, удовлетворенно кивнул и выхватил из кармана рацию, вызывая остальные группы.

– Второй, третий, как дела?

– Все в норме, зэки упакованы, – прохрипела рация голосом Чемизова.

– Заканчиваем, – вышел на связь Кардыба.

Из рации еще доносились вопли и редкая стрельба.

– Семенов, у тебя как?

– Тоже порядок.

– Отлично, – кивнул лейтенант, – вызываю внутренние войска. Нам здесь больше делать нечего.

И направился к выходу, приказав Тарасу и остальным покараулить до подхода ВВ зэков, которые и так уже потеряли всякое желание сопротивляться, и лишь тихо матерились, лежа мордой в пол.

Операция быстро закончилась, но Тарас был доволен, подраться удалось на славу, адреналин пер через край.

– Лежать, суки! – крикнул он, увидев, что один из зэков попытался приподняться. – Кто поднимет голову, мозги вышибу.

И даже выпустил пару патронов в потолок.

– Полегче, браток, – успокоил его Вадик, оказавшийся рядом, – боевиков насмотрелся? Патроны береги.

Вскоре снаружи раздался топот сапог, и в барак ворвались солдаты внутренних войск, охранявших периметр тюрьмы. А спецназовцы, передав им усмирённых бунтарей, медленно направились к выходу с чувством выполненного долга.

– Ну что, – хлопнул Тараса по плечу здоровяк Вадик, – сейчас к БТРах, по городу с ветерком до Ладожской прокатимся. Сдадим смену и по рюмашке. Ты

проставляешься. Первый выезд, да, боец?

– Согласен, – кивнул Тарас, повесив автомат на плечо и расстегнув ремешок шлема, – можно и обмыть. Хорошо размялся. Жаль, быстро все закончилось.

– В нашем деле, – назидательно проговорил Вадик, – быстрота – признак профессионализма.

И бойцы ленивой походкой направились к БТРа, стоявшим в центре плаца, по которому разбегались в разные концы зоны отряды ВВ с «Калашами» наперевес. Бунт был подавлен.

Однако сразу покинуть усмиренную зону им не удалось. Едва взвод приблизился к своему командиру, как рация в его кармане снова хрюкнула, и прапорщик Кардыба доложил:

– Есть проблемы, командир.

– Ну что там у тебя? – нехотя откликнулся Широкий.

– Часть зэков, человек десять, забаррикадировалась на чердаке барака, – сообщил Кардыба, – ну этих мы сами выкурим. А еще пятеро отморожков захватили врача. Заперлись в санчасти.

– Так, – недовольно протянул лейтенент, – захват заложников. Чего требуют?

– Пока ничего, молчат. Засели на третьем этаже. Окна завесили одеялами, ни хрена не видать.

– Ясно, – подытожил Широкий, – ты там своих дорабатывай, а заложниками я займусь.

– Сделаю, – подтвердил прапорщик и отключился.

А Широкий, глянув в серое полуденное небо, снова включил рацию.

– Полковник Стеценко?

– Я, лейтенант, что у вас происходит? – отозвался басом полковник.

– Захват заложников.

– Какой захват? – удивился полковник. – Мне только что доложили, якобы бунт в моей зоне подавлен.

– Бунт подавлен, – не стал спорить Широкий, – но несколько зэков заперлись в санчасти, прихватив с собой вашего врача.

– Кирилла Степановича? – напрягся полковник.

– Короче, мне нужна пожарная машина из вашей части и крепкая цепь или веревка, чтобы смогла выдрать решетку. Подгоните ее тихо к первому барaku. Остальное – наша забота.

– Сделаем, – подтвердил полковник, – только вы там поосторожнее, лейтенант.

– Не впервой, – отмахнулся Широкий, но, поразмыслив, добавил: – Думаю, сейчас они начнут выдвигать требования. Будьте готовы вызвать родственников этих зэков для переговоров.

– Но я же не знаю, кто там?

– Тогда подходите сюда, – отрезал лейтенант, – вместе и узнаем.

– Добро, – согласился Стеценко.

Закончив переговоры с начальником охваченной бунтом зоны, командир группы «Тайфун» обвел взглядом своих солдат, кутивших по случаю заминки у БТРa, и приказал немедленно отправляться к первому барaku, осмотреться.

Однако не успели бойцы пройти и десяти шагов, как откуда-то сверху раздались выстрелы и вопли. Подняв глаза, удивленный Тарас увидел, как по крыше

третьего барака бегут сразу трое зэков, на каждом из которых было надето аж по несколько ватников. А за ними несется здоровенный боец, размахивая тесаком.

– Это кто такой? – уточнил Тарас, обернувшись к Вадику.

– Это Мишка, мой друган, – охотно пояснил Вадик.

– А зэки куда бегут? – не понял Тарас, глядя, как мужики в ватниках стремительно приближаются к самому краю покатой крыши барака, которая нависала над асфальтированным плацем на уровне третьего этажа.

– Им проще самим прыгнуть, – озвучил ситуацию Вадик, – видать, достали они Мишку. Ему лучше под горячую руку не попадаться.

Если бы Тарас не видел этого собственными глазами, то никогда не поверил бы. Добежав до самого края, зэки, не раздумывая, сиганули вниз. Туда, где виднелась размокшая от ноябрьской оттепели клумба. Двоим повезло. Они сломали только ноги, приземлившись на мерзлую землю. Третий спрыгнул прямо на асфальт и, похоже, повредил позвоночник. Орал он страшно. Но по всему чувствовалось, что Вадик не соврал, – зэки предпочитали добровольно спрыгнуть с крыши, чем попасть под раздачу разъяренных бойцов «Тайфуна». Дешевле выйдет.

– Пойдем, – подтолкнул его Вадик, скользнув безразличным взглядом по валявшимся на асфальте зэкам. – Эти уже никуда не убегут. А нам пора приказ выполнять.

Глава вторая

Собравшись без приключений до первого барака, стоявшего у дальней стены зоны, они сразу заметили по соседству здание трехэтажной тюремной больницы, где зэкам не давали раньше времени закончить свою прожженную жизнь. Окна третьего этажа с наполовину разбитыми стеклами действительно были завешены одеялами. Вернее, это был не целый этаж, а скорее его часть,

похожая на широкую башню, зарешеченные окна которой выходили на широкий балкон.

Пока бойцы присматривались к обстановке, подъехала пожарная машина со стороны, невидимой бандитам. А вскоре, ни от кого не скрываясь, подкатил БТР лейтенанта Широкого. Взвизгнув тормозами, тяжелая машина остановилась. Из открывшегося люка выскочил лейтенант «Тайфуна», а вслед за ним показался дородный полковник Стеценко. Его большой живот сильно распирали форменный китель и распахнутую шинель, отчего полковник казался Тарасу немного беременным.

Лейтенант достал из бронемшины громкоговоритель, в просторечии «матюгальник», и начал переговоры.

– Меня зовут лейтенант Широкий, спецназ «Тайфун», – рявкнул он так, что эхо разлетелось над всей зоной, – предлагаю вам отпустить заложников и сдаться, пока есть шанс остаться в живых.

– Пошел в жопу, чмо! – раздался крик с «башни», при этом край одеяла на одном из зарешеченных окон откинулся, и за ним на мгновение показался бритый наголо заключенный с широким лицом. – Клал я на твой «Тайфун» хер с прибором!

– Заметили? – обернулся Широкий к полковнику, когда край окна снова задернули одеялом.

– Да, – кивнул тот, – это Озогин, рецидивист, пробу ставить негде. Убил троих, прежде чем попасть к нам. Да еще и наркоман.

– Родственники есть?

– Мать-старушка. Она, кстати, под Питером живет, недалеко отсюда.

– Ясно, значит местный. Это хорошо. Немедленно отправьте за ней.

– Вряд ли поможет, – протянул полковник, – он отмороженный, больной на всю голову. Но все же шанс есть.

– Везите быстрее, – повторил лейтенент, – а я пока потяну время и подготовлюсь к штурму.

Полковник отошел и, жестом подозвав помощника, отправил его за матерью Озогина, за которой из зоны немедленно выехал милицейский УАЗик с мигалкой.

– Чего вы хотите? – попытался наладить контакт лейтенант «Тайфуна», одновременно дав знак своим подчиненным действовать.

Никто из них, кроме Тараса, не нуждался в дополнительных указаниях. План «Освобождение заложников» отрабатывали неоднократно. А поскольку архитектурно зоны в России не очень сильно отличались, то и варианты проникновения в здание все были похожи.

– Наркоты давай, ширева не бадяжного, – выдвинул первое требование Озогин, бывший в этой компании за пахана, – водки ящик, денег пятьдесят лимонов деревянных и вертолет, чтобы прямо здесь сел.

Витек молча указал остальным на лестницу, которая вела вдоль задней стены санчасти до самой крыши, и кивнул Тарасу, чтобы тот остался внизу прикрывать дверь. Предварительно вытащив из чрева БТРа веревки и обвязки альпинистов, спецназовцы двинулись в обход здания по дальней стене первого барака.

– Наркота у тебя в санчасти есть, – предположил Широкий.

– Нету тут ни хрена, – завопил зэк, – тащи быстрее, ломает меня уже. Сейчас доктора вашего порешу.

– Ладно, не суетись, наркоту сейчас получишь, – согласился лейтенант и, бросив взгляд на стоявшего рядом под прикрытием брони БТРа полковника Стеценко, вполголоса добавил, прикрыв рукой громкоговоритель: – Надо. Пару шприцов. Выиграем время.

– Негде взять, – ответил тот, нахмурившись, – да и нельзя. Запрещено, что бы ни случилось. Водку и деньги еще можно попытаться привезти.

– Ладно, – в свою очередь кивнул Широкий, – давайте водку хотя бы. А насчет остального пускай помечтает немного. Все время пройдет.

Полковник, подозвав второго адъютанта, приказал раздобыть в срочном порядке все, что требуется. Пробравшись сквозь оцепление из бойцов ВВ, адъютант исчез, а появился минут через пятнадцать с небольшим свертком, протянул его своему начальнику и жестом дал понять, что в нем три бутылки. Полковник передал пакет Широкому, который все пятнадцать минут «беседовал» с зэками, делая вид, будто решает вопрос.

– Вертолет я тебе найду, – вещал Широкий на всю тюрьму, краем глаза наблюдая, как спецназовцы, надев обвязки и закинув на шею веревки с крюками, осторожно приближаются вдоль стены к лестнице, – но два лимона баксов так быстро не собрать. Мне нужно разрешение начальства и время.

– Да мне насрать, – орал Озогин, – я сейчас доктору горло вскрою и все.

– Подожди, – крикнул в мегафон лейтенант, – оттяг тебе привезли, чтобы ждать веселее было. Сам заберешь или тебе принести?

– Всем стоять на месте! – крикнул Озогин. – Сам спущусь.

Спустя пару минут железная дверь в санчасть на первом этаже приоткрылась, но на пороге возник не Озогин, а другой зэк.

– Тащи сюда ширево, – крикнул он в щель, – только медленно, а то доктора враз порешим.

Широкий глянул на полковника и подозвал одного из бойцов ВВ, передав ему пакет.

– Отнеси, только тихо, руками не дергай. Отдай и спиной назад, пока дверь не закроет. Понял? Оружие оставь здесь.

Боец кивнул. Положив автомат на передок БТР, солдат взял пакет и осторожно подошел к дверям санчасти.

– Кидай под ноги, – приказал зэк.

Солдат осторожно положил тяжелый пакет на землю перед зэком.

– Всем стоять, не дергаться, – прикрикнул на солдат зэк и, быстро схватив пакет, скрылся за дверью.

Наблюдавший всю эту картину из-за края первого барака Тарас, которого оставили прикрывать нижнюю дверь, пожалел, что он не снайпер. Зэк раскрылся, и его можно было бы легко снять. Снайперы на крыше были. И без Тараса разобрались бы, но выстрела не последовало. У Широкого, видно, имелись другие планы.

– Второго видели? – уточнил лейтенент.

– Видел, – кивнул полковник, – но не помню, кто такой. Озогин – известная личность. А этот так, шелупонь. Я же не всех зэков поименно знаю.

После того, как дверь в санчасть закрылась, снова наступила тревожная тишина.

– Ну, получил чего хотел? – уточнил лейтенент, выждав минуту.

– Да тут только водяра, – возмутился Озогин, снова оказавшийся у окна, – А че так мало, начальник? Наркота где?

– Сейчас будет, – тянул время Широкий.

К штурму все было готово. Бойцы, неслышно пробравшиеся вдоль стены и вскарабкавшиеся на самую крышу, уже закрепились и дали знак, что можно работать по окнам. Снайперы засели на крыше соседнего барака. Тарасу предстояло перехватить зэков, если те вдруг вздумают прорываться через дверь. Оставалось подогнать пожарную машину и прикрепить веревку к решетке окна, закрытого одеялом. Водитель уже собирался подъехать задним ходом, но лейтенант, оглянувшись назад, заметил, как на территорию зоны въезжает милицейский УАЗик, и дал отбой. «Тайфуновцы» замерли в ожидании, слившись с крышей.

Адъютант Стеценко вывел из машины мать рецидивиста, сухонькую старушку лет семидесяти в сером пальто, и подвел ее к БТРу.

– Ну что там еще, прости господи, мой сынок натворил? – спросила старушка. – Ему ж еще пять годков сидеть.

Посмотрев на слезящиеся от ветра глаза матери Озогина, лейтенант быстро понял, что сына своего она и без суда осудила. Вряд ли он ее послушает. Но этот шанс тоже надо было использовать.

– Во время бунта он захватил в заложники доктора и грозитя его убить, – коротко сообщил Широкий, протягивая ей мегафон. – Поговорите с ним, может, одумается. А если нет, то придется штурмовать. Вообще погибнуть может.

Старушка неловко взяла двумя руками мегафон и тихо произнесла:

– Сынок, одумайся. Сколько жизней уже загубил, все мало тебе.

– Суки, мать зачем привезли! – взвыл Озогин, подпрыгнув к окну и отодвинув край одеяла. – Уберите ее отсюда, не буду с ней говорить! Я же сказал, начальник, бабло давай и вертолет! И еще автомат мне дайте. А не то кончу доктора.

– Сынок... – попыталась повторить свою просьбу мать.

– Пошла отсюда, – заорал на нее «сынок», – ты мне и так всю душу вымотала, стерва... Наркоты давай, начальник!

Мать от страха присела и выронила мегафон, который лейтенант успел подхватить у самой земли.

– Все, – решил Широкий, бросив взгляд на полковника, – уведите мать, это не поможет. Начинаю штурм. Дальше ждать нельзя.

Он подал сигнал снайперам, и грохнул короткий выстрел. Озогин, до сих пор изрыгавший проклятия на голову ментов, рухнул навзничь, судорожным движением сорвав одеяло с окна.

Тотчас заревел двигатель, и пожарная машина рванулась вперед, вырвав решетку сразу на двух окнах со стороны первого барака. Незадолго до этого «тайфуновцы» уже успели ее аккуратно прицепить. Тотчас раздался взрыв, которым была подорвана небольшая дверь, которая вела в помещение с балкона. А сверху по веревкам скатились двое бойцов, один из них был Вадик, как показалось Тарасу, наблюдавшему за штурмом снизу. Дав очередь поверху, они швырнули в помещение какой-то цилиндр, который гроыхнул так, что повывлетали все стекла. Кроме мощного звука взрыв сопровождался такой яркой вспышкой, что даже Тарас зажмурился, а что стало с теми, кто был в помещении, можно было только гадать.

«Заря» сработала, подумал Тарас, сжав автомат. Но потом опустил, – он был уверен, что снизу никто прорываться не будет. После применения этой светозвуковой гранаты в помещение можно входить спокойно: никто и не подумает сопротивляться. Не до того. Там сейчас все ослепшие и оглохшие.

Никакой стрельбы больше не было. Ворвавшись сквозь окна и вынесенную дверь, спецназовцы немного поорали на зэков, попинав и придавив их к полу. А когда суматоха улеглась, Тарас с удивлением увидел, как Вадик, взяв одной рукой за ремень довольно массивного мужика, как котенка за шкирятник, перекинул его через подоконник на балкон. Затем перелез сам, снова приподнял его, поставив на ноги и, развернув лицом к наблюдателям, крикнул:

– Этот, что ли, ваш доктор?

– Да, это он, – ответил полковник, – жив?

– Вроде жив, – неуверенно заметил Вадик, посмотрев на еле стоявшего на ногах мужика в белом халате, который тер себе глаза и уши ладонями, не понимая, что с ним происходит.

– Ладно, спускай вниз заложника, как в себя придет, – приказал Широкий и добавил: – Только сначала зэков давай.

Вадик исчез в окне, утянув с собой доктора, все еще не понимавшего, где он находится. А вскоре по металлической лестнице загрохотали ботинки спецназовцев, и в открывшуюся дверь вылетел первый зэк. Открыл он ее,

похоже, лбом. Перекувырнувшись через голову, зэк затормозил тем же лбом об асфальт, да так и остался лежать. Но Вадика это ничуть не разжалобило.

– Вставай, гнида, – ласково проговорил он, приближаясь к валявшемуся у выхода телу в ватнике, – руки за голову и вперед ножками. Заждались тебя уже охранники.

Повторять не пришлось. Зэк вскочил, как ошпаренный и, несмотря на то что был слегка контужен, бодро зашагал к оцеплению из солдат внутренних войск. Вслед за первым показались остальные, каждого из которых конвоировал спецназовец. Труп Озогина оставили наверху. Пуля снайпера угодила в плечо, но ему хватило. Умер от потери крови.

Когда, передав зэков новым конвоирам, «Тайфуновцы», среди которых был и Тарас, потянулись к своим БТрам, Широкий снова обернулся к полковнику:

– Ну если еще какой шум случится, зовите. Приедем быстро.

– Теперь не скоро, думаю, – ухмыльнулся Стеценко, запахивая шинель, – надолго присмирят. Хорошо поработали, лейтенант.

– И то ладно, – кивнул Широкий и запрыгнул в бронемашину, – а после хорошей работы нам тоже отдых полагается.

Выехав на шоссе, водитель нажал на газ, и БТР, несший в своем чреве всех бойцов, без потерь возвращавшихся на базу, развил приличную скорость, распуская и даже обгоняя иномарки. Тарас, сняв шлем, расслабленно покачивался на своей скамейке, слегка сожалея, что не удалось поучаствовать в захвате заложников. Все сделали за него «бывалые».

– Вадик, – позвал командир соседа Тараса, – ты чего там, не мог аккуратнее с заложником сработать? Того и гляди, начальник зоны на нас телегу напишет за превышение.

– Так никто же не пострадал, – искренне удивился Вадик. – Почти. За что телегу писать?

Лейтенант безнадежно махнул рукой и замолк, прислонившись спиной к стене.

– Эх, – раздался рядом грустный вздох Вадика, толкнувшего Тараса в плечо.

– Раньше веселее было, – сообщил боец под шум мотора, – раньше можно было эков месить почем зря. А теперь чуть что – телегой грозятся, будто я с бабами дело имею. Да на этих урках крови столько, что к стенке можно ставить не задумываясь, а мы с ними цацкаться должны. Тьфу.

Чтобы просто попасть в спецотряд «Тайфун», приписанный к ведомству ГУИН[12 - Главное Управление Исполнения Наказаний (в данном случае по Санкт-Петербургу и Ленобласти).], Тарасу пришлось пройти неслабый отбор. Туда брали далеко не всех желающих, а только лучших, да и то просеивали через мелкое сито.

Во-первых, нужно было иметь хорошую физическую подготовку и разряд не меньше КМС по какой-нибудь борьбе, карате или другому боевому искусству. Во-вторых, брали только отслуживших в армии, желательно в морпехах, десанте и других боевых частях активного нападения. По этим параметрам Тарас подошел. Приветствовалась служба в горячих точках, поскольку с некоторых пор «Тайфун» начал регулярно ездить в чеченские командировки. Чечни у Тараса в активе еще не имелось. Но, к счастью, этот пункт в анкете был не обязательным.

После зачисления в молодые начались мощные, но привычные недавнему десантнику тренировки: физподготовка в зале, где Тарас должен был подтягиваться, как акробат, и жать штангу весом не меньше собственного. Бег с полным боекомплектom, стрельба из всех видов оружия, вождение автотранспорта по городу и пересеченной местности. Причем под транспортом понимались не только обычные машины, но и грузовики, амфибии, а также БТР, бульдозеры и трактора. Затем начались тренировки по рукопашному бою просто на кулаках, а также с применением ножей, лопат, топоров, арматуры и другого холодного оружия, которым могут вооружиться восставшие ээки.

Рассматривая на тренировке имевшийся в распоряжении спецназа арсенал холодного оружия, не уступавший набору ниндзя, Тарас вспоминал, как приходится выкручиваться обычным ментам в уличных драках с разъяренной толпой. Один из его друзей как раз служил в таких подразделениях и

рассказывал Тарасу, что промышленность могла им предложить только серию из трех дубинок без ручки, с ручкой и стальным шариком внутри – под оригинальным названием: изделие «Аргумент один», «Аргумент два» и соответственно «Аргумент три».

У «Тайфуна» таких аргументов в борьбе с зэками было гораздо больше. Немного повеселила Тараса тогда история с наручниками, которые имели более эротическое название, чем дубинки. Обычные «браслеты», которые имелись у каждого постового, с любовью были названы разработчиками «Нежность один». Эта «Нежность» открывалась, при некоторой сноровке, обычной булавкой. Более тяжелые и узкие, имели кодовое обозначение «Нежность два», а вместо ожидаемой «Нежности три» на вооружении у оперов стояли миниатюрные наручники под названием «Краб», в которые помещались только большие пальцы рук. В отличие от первой «Нежности», выпутаться из объятий этого «Краба» было вообще невозможно. Разве что отрезать пальцы.

Прочли Тарасу и общий курс подрывного дела, а также ознакомили с самыми ходовыми ядами и газами, без которых при подавлении бунтов в зонах и колониях обходилось редко. Побегал боец и посидел в противогазе, который тоже приходилось использовать в работе. Если бы пошел в подрывники, то узнал бы гораздо больше, но его специализация внутри отряда скоро определилась – штурмовик, хоть он и не дотягивал по массе до основных бойцов. Но в снайперы и подрывники не годился.

Кое-что из увиденного на новой службе новостью для Тараса не стало, – в десантуре тоже не даром хлеб ели. Были еще собачки, но к животным Тарас относился спокойно. Без энтузиазма. Тем более что к местному собаководу Толику часто с гражданки приводили совершенно бешеных собак, вразумить которых, по мнению Тараса, не представлялось никакой возможности, только усыплять. А он их брал. И псы служили исправно. Правда, ходил Толик вечно покусанный своими же питомцами, из которых особенно любил алабаев.

Незадолго до окончания КМБ Тарасу пришлось выдержать жесткий, но простой экзамен. Он должен был отстоять на ринге несколько боев подряд против «бывалых» спецназовцев, причем независимо от весовой категории.

– Победить невозможно, – успокоил его перед началом этого избиения младенцев лейтенант Широкий, – твоя задача выстоять. Сколько сможешь. Противники будут сменяться, ты будешь один. Бить будут до тех пор, пока не

ляжешь. Вот и весь экзамен. Выдержишь, – будешь служить здесь. Нет, – нам слабаки не нужны.

Выходил на ринг Тарас с куражом, показать хотел всем «бывалым», что и он не лыком шит. Первые два боя провел неплохо, прыгал и активно работал ногами. Одного противника даже пару раз запинал в угол ринга. Но, начиная с третьей схватки, стал уставать. Бойцы всякий раз выходили против него свеженькие, да и весил каждый потяжелее. Четвертым вышел тогда еще малознакомый Вадик и месил новобранца минут пять с большим удовольствием. Тарас только успевал голову прикрывать, но Вадика вполне устраивали его почки и печень, которые тот методично взбадривал отточенными ударами, казавшимися изможденному Тарасу ударами кувалды. Сам же Вадик, похоже, вообще не чувствовал боли. Даже пропущенные от терявшего на глазах силы новобранца удары отчаяния в нос, из которого потекла кровь, в ухо и по ребрам Вадик даже не заметил. Ему это было, что слону дробина.

А когда вдоволь оттянувшегося спецназовца сменил его друг Мишка, тоже большой любитель холодного оружия, для новобранца наступил переломный момент. Его ребра трещали, проходя проверку на прочность, голова гудела, превратившись в наковальню, а сам он как тяжелый боксерский мешок летал из конца в конец ринга, пока не рухнул навзничь, потеряв ненадолго сознание. А когда очнулся, облитый из ведра холодной водой, и выплюнул два зуба вместе со стаканом крови, к нему приблизился лейтенант Широкий и сказал.

– Ну что же, для новобранца неплохо. Потянет.

И ушел. А Тарас опять отъехал ненадолго в мир Морфея, не в силах бороться с болью. Лечился он потом целую неделю, но на ходу. Никаких поблажек в виде отдыха или бюллетеня по временной нетрудоспособности ему не предложили. Зато едва оклемался после экзамена, как его стали лечить от страха смерти. Доходчиво вдавливать в его тупую башку почти что кодекс самураев.

Еще когда до армии занимался карате, Тарас почитывал из интереса всю эту лабуду про самураев, но не очень увлекался, поскольку местные сенсеи, в отличие от японских, упирали больше на практику, а теорию давали в сжатом виде. Мол, кто захочет стать самураем, тот сам прочитает в книжке, как этого добиться. И Тараса, как и многих, это устраивало. Он больше предпочитал тянуться, качаться и биться в спаррингах, нарабатывая рефлексy, чем вникать в то, как должен вести себя настоящий самурай перед лицом смерти и на кой хрен

вообще существуют все эти мудреные упражнения и растяжки.

За время службы в десанте Тарас кое-чего понахватался из практики и теории единоборств и работы с холодным оружием. Парень он был смысленный, хотя и буйный. Еще в школе учителя нахваливали, особенно за врожденную склонность к изучению иностранных языков. Они ему давались легко, на слух Тарас запоминал текст целыми страницами. Но это было по молодости, а потом, к восьмому классу, улица взяла свое. Забил Тарас на учебу, вместо которой все чаще стал принимать участие в дворовых столкновениях и даже угодил в милицию разок. Если бы не армия, то неизвестно, где бы сейчас находился. Может, среди тех, кого собирался теперь усмирять.

В армии, однако, когда выпадали редкие свободные минутки, Тарас больше старался теорию подтянуть, руками махать он научился уже сносно. Однажды даже зашел в библиотеку и от нечего делать прочел почти весь учебник по истории Древней Греции, – про самураев ничего не нашлось. Но книга была красивая, с картинками, на которых мужики в доспехах не хуже самураев рубили друг друга на куски здоровенными мечами и пронзали острыми копьями. В общем, как уяснил себе Тарас, греки владели холодным оружием не хуже японцев, а лучшими среди них считались спартанцы. Эти ребята Тарасу сразу понравились. Дрались они часто, смолodu и до самой смерти, отправляя к праотцам многих врагов и даже собратьев, не успевших еще задуматься о смысле жизни.

Разглядывая картинки с одетыми в красные плащи спартанцами, отражавшими нападение афинян, Тарас вдруг поймал себя на мысли, что и сам еще особенно не задумывался о смысле жизни. Но здесь, в «Тайфуне», ему быстро объяснили, зачем он живет. В два счета. На первой же тренировке по излечению от страха смерти, случившейся под конец КМБ. Оказалось, – он живет, чтобы умереть. Все просто.

Тренировка тоже была донельзя простой. Два бойца накинули Тарасу на шею удавку и стянули, абсолютно не переживая о том, что новобранец мог и коньки отбросить. Но спецназовцы свое дело знали. Руки ему никто не связывал, мол – сам себя контролируй. Захочешь жить, дерни и отпустим, но тогда зачет не сдал. Когда перед глазами Тараса уже поплыл туман и он решил, что его просто задушат, из тумана вдруг возник командир. Встав напротив новобранца, он стал чеканить слова, мгновенно проникавшие в самую глубину уплывающего сознания.

– Смерть – это ничто, – сообщил он Тарасу, – ты рожден для того, чтобы умереть.

Офицер замолчал на мгновение, а Тарас решил, что вдруг оглох, – такой неестественной показалась ему эта тишина. Обвившая его шею удавка чуть ослабла, пропуская глоток воздуха, а затем с новой силой затянулась.

– Ты можешь умереть в любой день, – командир вбивал слова в его мозг, словно гвозди, – и должен быть готов к этому. Ты не чувствуешь боли. Не боишься крови. Твоя задача – уничтожить врага.

Белая пелена перед глазами Тараса стала сгущаться, а ноги подкосились.

– Но, даже умирая, ты должен уничтожить своего врага, – закончил командир, приблизив свое лицо к нему.

Падая на пол, Тарас уже верил в это.

После нескольких таких тренировок он смог спокойно ходить по краю крыши высотного дома и не писал в штаны, когда изображал живую мишень для метания ножей при звуке вонзавшегося в дерево лезвия в сантиметре от головы. Нет, зомби он не стал, но эмоций в его жизни поубавилось. Точнее, они все сразу разделились на главные и второстепенные.

Свой первый день, когда Тарас явился на базу «Тайфуна», которая располагалась недалеко от Ладожского вокзала, он запомнил хорошо благодаря одному случаю. Еще не добравшись до КПП, он стал свидетелем разборки милиции и бандитов. Точнее, свидетелем того, как братки послали милиционера на три буквы за то, что тот попросил их переставить свои машины на двадцать метров в сторону. Оказалось, бандюганы не обратили внимания на то, что припарковались у самой стены колонии, где вообще была запрещена стоянка любого транспорта. Надо было им что-то срочно перетереть, и на такую ерунду они не обратили внимания. Главное, место было тихое. Мент из охраны колонии, оказавшийся рядом, культурно напомнил им об этом, но.. взаимопонимания не встретил. Резонно рассудив, что с одной дубинкой, даже без пистолета, он много против восьми мордovorотов не наработает, мент, почти догнав проходившего мимо Тараса, следом за ним вошел в КПП «Тайфуна», находившийся по соседству с колонией.

Едва войдя в помещение, сам Тарас остановился. Напротив двери сидел накаченный боец с голым торсом, в камуфляжных штанах и с ножом-лопатой на боку. Парень был просто огромных размеров. Тарасу показалось, будто вся его грудь по ширине не превосходила одной сиськи этого громилы, выражение лица которого не выражало ничего, но внушало уважение. С первого взгляда было ясно, что с таким лучше не спорить.

– Чего надо, пацан? – изрек боец, вперив в него маслянистый взгляд.

Тарас уже собирался ответить, но не успел. Его опередил появившийся на КПП обиженный милиционер.

– Здорово, Мишаня, – поприветствовал он громилу, – слушай, твоя помощь требуется. Там, в запретной зоне какие-то козлы припарковались. Совсем страх потеряли. Надо бы шугануть.

– Это можно, – ухмыльнулся Мишаня и нажал кнопку на пульте. – Але, Колян? Заводи БТР, дело есть.

На Тараса никто не обращал внимания, хотя он и успел ввернуть, что пришел поговорить насчет службы. «Обожди пока», – изрек Мишаня, оставив пост на другого бойца, а сам исчезая в проеме дверей, едва мимо КПП с грохотом проехал бронетранспортер. Заинтригованный Тарас тоже вышел на крыльцо, но успел услышать лишь скрежет сминаемого железа. А когда присмотрелся, то увидел что БТР заехал двумя колесами на капот ближнего «мерса», превратив его в смятую консервную банку.

Опешившие бандиты еще не пришли в себя, а водитель бронемашины уже вылез наружу из люка и стал весело оправдываться.

– Ну извини, братан, – развел он руки в стороны, – не успел затормозить.

– Ты че, охренел, вояка? – наехал на него один из пацанов.

– Это он зря сказал, – поделился соображениями довольный охранник колонии, стоявший рядом с Тарасом на крыльце.

Спустя пять минут два спецназовца уложили мордой в грязь всех восьмерых, одетых в шикарные костюмы, отобрали оружие и попинали немного для острастки, попросив больше не парковать машины в неположенном месте. Как бы невзначай, разворачиваясь, БТР задом слегка помял и второй «мерс».

На следующий день, когда Тарас снова пришел в расположение отряда окончательно решить вопрос, на его глазах с лестницы спустили какого-то невысокого восточного дедушку, пальцы которого были усыпаны золотыми перстнями, а грудь цепями.

– Это кто? – поинтересовался Тарас, удивленный такой бурной жизнью на КПП второй день подряд.

– Здорово, новобранец, – признал его Мишаня, снова отиравшийся недалеко от поста. – Да так, пахан вчерашних братков. Авторитет местный. Приходил нам тут предъявлять, что, мол, мы зря ребят обидели. Не по понятиям живем. Утомил меня быстро.

– Понятно, – кивнул Тарас, обернувшись на дверь, – теперь он вряд ли еще раз придет договариваться. Ну показывай, где тут у вас раздевалка.

Глава третья

Закончив КМБ, Тарас получил ксиву и приступил к основной службе, постепенно втягиваясь в новый режим. Служили здесь сутки через двое, а еще сутки несли боевое дежурство в составе группы быстрого реагирования, которая первой должна была выехать на объект, случись что.

На долю Тараса с самого начала выпало так много событий и приключений, что бывалые ему даже завидовали. Не успел попасть на службу, – уже в зоне бунт. Везуха. Только оформился – новое восстание заключенных. Рутины даже не нюхал. По словам Вадика, осень выдалась на редкость урожайной.

– В прошлом году ни одного бунта не произошло, – рассказывал он Тарасу по дороге от стоянки в раздевалку, припарковав свой «мерс» рядом с выдавшей

виды «девяткой» новобранца, – только и знали, что службу тащить. Ну пару раз помогли «соседям» накрыть группировки «особо опасных». Да еще с судебными приставами на раздел государственного имущества в область выезжали. В общем, хоть какая-то развлекуха. А тебе, смотрю, прет по жизни. Чуть больше месяца оттянул, а уже второй бунт.

Тарас не стал спорить, но, оглянувшись на «Мерседес» Вадика, слегка усомнился в том, что ему «прет по жизни». Впрочем, он ведь тоже теперь боец элитного подразделения «Тайфун», значит, со временем поднимется. Получали здесь прилично, – даже рядовые ездили на «мерсах». А ксива давала еще много значительных преимуществ по жизни. Так что, возможно, Вадик был прав. И через некоторое время Тарас сможет наскрести денег и на новую машину, и, если даст бог и министр юстиции, на новую квартиру.

Сейчас Тарас жил с матерью в небольшой квартирке на Выборгской стороне. Отец их бросил, когда парню было всего года два от роду, и больше не появлялся на горизонте. С тех пор мать растила пацана одна, перебиваясь с хлеба на квас на бюджетную зарплату. Сказок о том, что папа летчик полярной авиации, не рассказывала. А когда пришло время и сын стал задавать вопросы, объяснила просто: «Бросил нас твой отец, сынок. Вдвоем мы теперь. Надо жить».

Мать второй раз замуж так и не вышла, хотя парень вырос и пошел в армию. А Тарас, несмотря на женское воспитание, вырос каким-то жестким. С детства в чудеса не верил. Рано понял, что все ему придется добывать самому. Но это его не пугало. Упорства было не занимать. А в том, что армия и вообще служба – это его призвание, Тарас после десантуры уже не сомневался. Иногда ему казалось, будто он с этой мыслью появился на свет. Ведь никакая работа в офисе его не прельщала и в сравнение со службой не шла, хотя он успел до армии поработать несколько месяцев.

В офисе ведь не постреляешь и морду никому не набьешь, если только ты не охранник. А охранять Тарас не любил. Больше любил нападать. Агрессия в нем бродила, иногда вырываясь наружу через драки, которые случались с ним часто. В общем, при такой работе опасности никакой, только геморрой наживешь за усердие. А здесь адреналина сколько угодно. Вот за это Тарас и любил службу. Хотя многие его одноклассники, вернувшись из армии, с радостью повесили китель в дальний угол шкафа, сменив его на модный пиджак. Гражданка им была по душе – бизнес, девочки, водка. Отдал родине свое – и свободен. Какая к черту служба?

А у Тараса все вышло наоборот. На гражданке он ощутил себя потерянным, словно его настоящая семья находилась там, среди людей в погонах, а не среди тех, кто предпочитал обходиться без них. Вот и завербовался на новую службу, едва успев скинуть десантный берет и китель с тельняшкой. Сам так решил. Но мать, как ни странно, была не против. Обняв сына, даже благословила, решив, что тот уже повзрослел и сам может выбрать себе дорогу в жизни. Платили в «Тайфуне» действительно хорошо, да и на работу ездить было недалеко, служил в родном городе. А про командировки в Чечню мать старалась не вспоминать.

На тот день, когда произошел новый бунт, как раз выпало его дежурство. Взбунтовались сразу две колонии. В одной заключенные подожгли хозблок, но особенно не буйствовали. А в другой колонии, которая находилась неподалеку от Колпино, малолетки, вырвавшись из бараков, крушили все, что попадалось у них на пути. Оказалось, часть парней решила так отпраздновать свое совершеннолетие и скорый перевод в зону для «настоящих» зэков. Там охрана уже не справлялась.

Вызов пришел сразу на две точки, и сначала «Тайфун» выехал на «взрослую», но в дороге все изменилось. В первой зоне уже начали брать ситуацию под контроль своими силами, а вот малолетки захватили заложников, и «Тайфун» помчался туда.

– Едем усмирять бунт в колонии малолеток[13 - Обычно «Тайфун» не выезжает в колонии для несовершеннолетних. Данная ситуация целиком вымышлена.], – сообщил Широкий. – В заложниках трое контролеров.

Озвучив новости, лейтенант Широкий не предполагал, что придется сильно прессовать малолеток, но случиться могло всякое. Многие из них еще на воле зарезали не по одному человеку, а тюремные привычки быстро проникали в кровь, делая из них закоренелых преступников. Знал об этом и Тарас, уже успевший поучаствовать в подавлении бунта и изучавший спецкурс по психологии заключенных.

БТР катил по трассе, мягко покачиваясь на ровной дороге. Утробное урчание мотора действовало успокаивающе. Тарас еще в армии привык к этому звуку, а также к гудению моторов самолета, которое преследует десантника до самой выброски.

Облачившись в бронежилет, прихватив автомат и упаковавшись спецсредствами из арсенала, он сидел сейчас на скамье рядом с Вадиком, внутренне настаиваясь на работу и стараясь выбросить из головы все посторонние мысли. Как оказалось, тренировки с удушением не прошли даром. «Смерть, – ничто, – вдруг само собой всплыло из подсознания Тараса, едва он приказал себе забыть обо всем, кроме предстоящего штурма. – Ты можешь умереть и должен быть готов к этому».

Против воли Тарас вдруг ощутил, как напрягаются его мышцы, как крепче сжимает рука дуло автомата. Но в целом тело быстро наполнялось спокойствием, а дух становится твердым, монолитным, вытесняя прочь все сомнения. «Ты не чувствуешь боли, – продолжал нашептывать голос, – не боишься крови».

– Прибываем, – прервал его психологическую тренировку лейтенент Широкий, громко объявив на весь БТР, – все бараки и санчасть под контролем заключенных из числа малолеток. На бунт их подбивали старшие, которых должны были отправить сегодня по этапу, но не успели. Находим и гасим их осторожно, если сами раньше не уймутся. Заложники у старших в камере.

Он умолк на мгновение, а потом добавил, обращаясь к соседу Тараса:

– Смотри, Вадик, осторожнее. Эти пацаны не ангелы, но не перепутай их с прожженными урками.

– Все будет в норме, командир, – обиделся Вадик, – я аккуратно работаю. – И, ткнув в бок Тараса, в полголоса добавил: – Будь моя воля, я бы их из крупнокалиберного проредил. Жаль, нельзя. Типа дети.

Тарас против воли усмехнулся, спрятав улыбку под забралом шлема. Эти дети действительно могли при желании прирезать, не моргнув глазом. Не все, правда. Но и таких хватало. Наверняка среди зачинщиков самые прожженные собрались.

– Что-то ломает меня сегодня, – неожиданно пожаловался Вадик, обычно излучавший здоровье, – простыл, наверное. Бок болит.

– Вернемся, таблеток закинь в рот, – предложил Тарас, – анальгина сожри или другое обезболивающее. Их сейчас до дури, сам знаешь.

– Не, таблетки не ем, – отмахнулся Вадик, хитро прищурившись, – есть у меня на примете одно обезболивающее: белое такое, прозрачное, с резким запахом. Как работу закончим, предлагаю сообразить по рюмашке. Обезболиться.

– Можно, – согласился Тарас, – меня тоже что-то ломает.

Въехав на территорию колонии через «шлюз», БТР остановился. Вслед за ним притормозили рядом еще две бронемшины. Выбравшись наружу вслед за Вадиком, Тарас осмотрелся. Между бараками колыхалось море ватников и бритых голов. Вскидывая вверх руки, малолетние преступники орали и матерились. Где-то неподалеку били стекла – звон доносился даже сюда.

Рядом с хозблоком, примыкавшим к плацу, перегороженному сейчас цепью из бойцов ВВ, стояли несколько офицеров, наверняка начальство взбунтовавшейся колонии. Широкий направился сразу к ним.

– Где зачинщики? – спросил он, представившись, у полковника, с прищуром наблюдавшего за выгрузкой «тайфуновцев».

– Вон в том бараке, – указал полковник, поправив фуражку, – на втором этаже. Их там человек пятнадцать. На улицу не выходят. Смотрят из окна, как по телевизору.

– Чего хотят? – поинтересовался Широкий для порядка.

Никаких требований он, ясное дело, выполнять без крайней необходимости не собирался. Но в курсе быть следовало.

– Как обычно, – пожал плечами начальник колонии, – чтобы жрать давали как в ресторане, водки, наркоты и выпустили из карцера пятерых дружков, которых мы вчера туда закатали.

– А где карцер? – уточнил лейтенант.

– Вон там, – обернулся в другую сторону полковник, – он под контролем. Все пятеро на месте. Но, если надо, выпустим. Ребят моих, которых взяли в заложники, освободить надо.

Полковник снял фуражку, вытер лоб тыльной стороной ладони и добавил:

– Не ожидал я, что из-за этих ублюдков колония на бунт поднимется. Только осторожнее, заложники вместе с зачинщиками на втором этаже. Враз могут на перо посадить. Там одни отмороженные собрались. Им скоро на взрослую зону отправляться, вот и решили «отметить». Себя показать, уроды.

– Понятно, – кивнул лейтенант, опуская прозрачный щиток на глаза. – Пока никого выпускать не надо. Мы начинаем.

Увидев приехавшие БТРы, малолетние бунтари слегка успокоились, но расходиться явно не собирались, понимая, что расстреливать их в упор никто не будет. Зачинщики подбадривали их, покрикивая со второго этажа сквозь разбитые окна, и толпа бурлила, явно хорохорясь перед спецназовцами.

По приказу лейтенанта один из БТРов вдруг дал несколько хлестких очередей из башенного пулемета в небо, заставив толпу вздрогнуть. А потом и побежать, после того как, взревев мотором, БТР прыгнул на толпу. Малолетние зэки наконец-то поняли, что шутки закончились, и бросились врассыпную.

Привычно распределив между подразделениями бараки, «Тайфун» двинулся в сторону ближнего. За ними медленно, цепью, стали продвигаться солдаты ВВ.

На долю взвода, которым командовал сам Широкий, выпало усмирять зачинщиков. Работа пошла споро, без сучка и задоринки. Дверь, за которой забаррикадировались малолетки, защищая своих авторитетных товарищей, вышибли мгновенно. Инструктор-подрывник штурмового отряда Костя Пархоменко потратил на нее буквально пару минут и немного пластиковой взрывчатки.

За первой последовала вторая баррикада, а затем пришлось намного поработать прикладами и ногами, – обкурившиеся малолетние зэки (и где только наркоту берут) оказали ожесточенное сопротивление. Методично отправляя в нокаут одного оборзевшего подростка за другим ударом ноги или автомата, Тарас

краем глаза поглядывал за Вадиком. Тому было очень трудно сдержать себя и не проломить грудь кому-нибудь из пацанов, махавших перед его носом заточкой.

Вскоре тамбур и проходы к общим камерам на первом этаже были свободны. Часть молодых эков отступила внутрь, а другая по узкой лестнице на второй этаж.

– А ну на пол, ублюдки малолетние! – заорал Вадик, ворвавшись в спальное помещение на первом этаже и дав очередь в потолок. – На пол, я сказал!

Тарас вбежал следом и тоже навел шороху со стрельбой, отправив пинком под кровать низкорослого крепыша. Мгновенно протрезвевшие эки повалились ничком, накрывая голову руками.

– Здесь в норме, – доложил Вадик командиру, когда спустя двадцать секунд Широкий вошел в захваченное помещение.

– Игорь, посторожи тут детей, – приказал лейтенант возникшему из-за спины бойцу. – Гена и Дима, вы тоже здесь. Остальные наверх. Там эти малолетние упыри забаррикадировались с зачинщиками. Можно прессануть, но не сильно. Так, чтобы никто из окон не выбросился.

– Это мы с удовольствием, – ухмыльнулся Вадик, перехватывая автомат, – за мной, Тарас.

Преодолев очередную баррикаду стандартным образом, «Тайфун» ворвался на второй этаж. Здесь возникли неожиданные осложнения. Наверху планировка помещения немного отличалась от первого этажа. От длинного и узкого коридора отходило несколько рукавов, каждый из которых заканчивался небольшой камерой человек на двадцать. Не зря зачинщики избрали себе для «штаба восстания» камеры на столь комфортном этаже. Но оттягиваться им осталось не долго. Вытеснив эков из коридора, бойцы смогли с ходу захватить только две камеры, остальные малолетки успели завалить входы изнутри.

– Забаррикадировались по камерам, – доложил лейтенанту Вадик, – как крысы по норам.

– Взрывать больше ничего не надо, – словно напомнил сам себе Широкий, – Отожмите дверь и выкуривайте их газом оттуда, как тараканов. Живо полезут.

Надев прихваченные противогазы, «тайфуновцы» успешно применили тактику выкуривания. Слегка отжав дверь, они бросали в помещение дымовую шашку и ждали положенное время. Ждать долго не пришлось. Вскоре задыхавшиеся малолетки, мгновенно разобрав баррикаду своими руками, стали выползать в коридор. Проникнув внутрь таким образом и быстро зачистив три следующие камеры, спецназовцы остановились у последней.

Но внутрь никак не удавалось пробиться. Дверь была прижата плотно. Именно здесь и засели зачинщики бунта. Когда наконец выбили дверь, разъяренный Вадик даже не стал бросать дымовую шашку, а просто вломился в узкое помещение. Когда вслед за ним еще несколько бойцов проникли внутрь, обитатели камеры, вырубив свет, набросились со всех сторон на бойцов с ножами и заточками. В последнее мгновение перед тем, как мрак окутал камеру, Тарас успел заметить, что один из эков воткнул шило в бок Вадику, на котором уже висели трое малолеток.

– А ну, молитесь, ублюдки! – заорал Тарас сквозь противогаз, выхватывая светозвуковую гранату.

– Не надо! – успел он услышать сдавленный вопль Вадика, прежде чем в узкой камере гроыхнуло и вспыхнул огненный шар, поглотивший его сознание.

Глава четвертая

Станный мертвец

Перед глазами плавала какая-то муть, в ушах звенело. Долгое время Тарас лежал на спине, приходя в себя, но никак не мог сфокусировать зрение. Все расплывалось в огромные пятна, а до слуха обрывками долетали странные звуки, напоминавшие журчание воды и шум ветра.

«Что-то я перестарался с этой гранатой, – подумал Тарас, срывая с себя противогаз и тихо радуясь, что хотя бы сознание постепенно возвращается в его контуженую голову, – понять бы теперь, что случилось».

Последние воспоминания никуда не стерлись, и он отчетливо помнил, как взорвал гранату в камере с малолетними зэками, о чем сейчас сильно жалел. Однако звуки, которые он уже мог улавливать медленно возвращавшимся слухом, никак не вязались с тем, что обычно слышно в тюрьме. Там журчать могло только на очке. Но на очке и запахи были бы соответствующие, а нос спецназовца ощущал только свежий воздух, более того, наполненный ароматами трав и деревьев. Да и лежал он, похоже, не на ровном полу, где должен был упасть. Спину, даже через бронежилет, подпирали острые и твердые углы, так, словно Тарас развалился на камнях. А лицо – ну этого вообще никак не могло случиться в питерском ноябре – нежно пригревало что-то очень похожее на солнце.

Зрение пока не вернулось полностью, но ощущений хватало и без того. «Хорошо же меня приложило, – в панике размышлял Тарас, глядя, как колышутся перед ним высокие размытые тени, – неужели эта граната на глюки пробивает. Не хватало еще в психушку угодить. Ну откуда на зоне речка и камни? Да еще в камере с малолетними преступниками. Даже если меня на улицу вынесли, и то не сходится».

Тарас осторожно пошевелил правой рукой, не меняя положения тела. Прочертив в воздухе линию сантиметров двадцать, его ладонь опустилась и сжала прохладный камень с острыми краями. Снизу камень был мокрый.

– Черт побери, – произнес Тарас уже вслух, – ни хрена не понимаю.

Боец «Тайфуна» лежал еще некоторое время, прислушиваясь, но никто не ответил на его восклицание. Людей, судя по всему, рядом не было. «Не могли же меня мои ребята бросить в камере, – в недоумении размышлял Тарас, – может, их поубивали всех?»

– Вадик, лейтенант? – позвал Тарас, но ответа опять не получил.

Слух понемногу «оттаивал», и ему показалось, что ветер усилился. Во всяком случае, тот звук, показавшийся ему шумом ветра, стал сильнее. Зрение

возвращалось медленнее, но он уже был готов поручиться, что те размытые тени, которые раскачивались перед ним, это деревья. Тогда Тарас решил действовать. Для начала надо было выяснить, где он.

Ощупав себя и сжав пару раз кулаки, Тарас решил, что ранений нет. Все двигалось, сгибалось и разгибалось вполне сносно. Спина только побаливала от лежания на камнях, да еще тошнота подступала к горлу. «Сотрясения мозга мне только не хватало, – раздосадованно подумал Тарас, – кроме слепоты с глухотой. В следующий раз надо осторожнее обращаться с гранатами в тесном помещении».

Сделав усилие, боец повернулся на бок и попытался приподняться, встать на ноги. Но голова внезапно закружилась, и Тарас снова упал лицом на камни, едва не провалившись в небытие. Минут через пятнадцать, как ему показалось, тошнота отступила, и Тарас, медленно отжавшись на руках, приподнялся, встав на колени. Осмотрелся, – на этот раз он уже смог различить поросшую лесом скалу, которая возвышалась метрах в двадцати. Правда, деревья и камни все равно выглядели какими-то размытыми, словно нарисованными, но «тайфуновец» догадался, что все это выкрутасы зрения, которое никак не хотело быстро приходить в норму.

– Хреново быть слепым, – изрек Тарас, осторожно поднимаясь с колен в полный рост.

Голова закружилась, но сильной тошноты на этот раз не было. Он устоял. А утвердившись на ногах, решил осмотреться, повернув голову в сторону ручья, шумевшего в каком-то десятке метров. Теперь он уже не сомневался, что это журчит горный ручей. Но, едва повернув голову, увидел нечто такое, что заставило его вздрогнуть, хотя он и был приучен к подобным картинам.

Рядом, буквально в трех метрах от Тараса, лежал мертвый парень с зажатым в руке огромным ножом, похожим скорее на короткий меч.

– Вот те раз, – сплюнул спецназовец, присматриваясь к мертвецу, – это еще что за малолетний преступник.

Но парень совсем не походил на бритого уголовника, – он был длинноволосым, что сразу смутило Тараса. Та одежда, которая на нем имелась, хоть и была

потрепана, но больше напоминала короткий плащ или накидку из грубого сукна, перетянутую в поясе кожаным ремешком, а не привычную для глаз тюремную робу. Несмотря на имевшийся ремень, накидка парня была натянута вверх, едва ли не на голову, словно он хотел искупаться и был убит внезапно, когда раздевался. Кровь на ткань не попала, хотя еще недавно обильно лилась из распоротого живота. Гениталии мертвеца прикрывала набедренная повязка, а на ногах не было никакой обуви.

Рядом на камнях запеклась лужа крови. Но умер парень совсем недавно, это бросалось в глаза. Тарас в недоумении обвел взглядом место убийства и невольно посмотрел на свои руки. Крови на них не было.

Машинально сняв шлем, Тарас провел рукой по волосам, продолжая размышлять вслух.

– Неужели это я его? Ни хрена не помню. Ну мне теперь вставят по первое число за убийство малолетнего зэка. Пойдет служба.

Тарас похлопал себя по бронежилету и с удивлением понял, что никакого оружия при нем нет. Ни автомата, ни гранат, ни дымовых шашек, ни даже ножа. Потом снова посмотрел на труп, как ему показалось с первого взгляда, совсем не походивший на зэка, и сомнения вновь охватили спецназовца.

– Кто же его тогда замочил? – вновь спросил сам себя Тарас, разглядывая страшную рану уже почти восстановившимся зрением. – Это не нож. Похоже, на кабана нарвался пацан. Клыками его порвали.

Так он простоял минут пять, размышляя, что же теперь делать. За это время несколько раз Тарас скользнул взглядом по лицу мертвеца и вдруг понял, что его так смутило с самого начала, – они были похожи, как две капли воды. Оба примерно одного возраста и телосложения. Цвет волос совпадал, – почти черные. Только мертвец выглядел более поджарым. Кожа, кости и мышцы. По сравнению с ним крепкий и накаченный Тарас казался жирным, отрастившим брюшко лентяем. Нет, различия, конечно, имелись. Но если Тарасу отпустить волосы, которые сейчас едва закрывали затылок, и надеть на него это странное рубище, то и родная мать не отличит.

– Вот те раз, – вымолвил боец, у которого все, что с ним происходило в последние полчаса, еще никак не укладывалось в голове, – надо отсюда двигать подальше. Где бы я ни очутился, пора выбираться к людям. Живым. Там помогут.

И подумал, оглядевшись по сторонам: «Только сначала надо спрятать тело. От греха подальше. И переодеться. А то кто его знает, как здесь относятся к людям в форме. Придется прикинуться местным».

Небольшое ущелье, в котором он очутился и по дну которого тек горный ручей, с трех сторон заросло лесом по кромке скал. И лишь с одной виднелось расширение, словно за ним находился не то обрыв, не то вниз шла дорога. Осмотрев все прояснившимся взором, Тарас решил двигаться в том направлении, когда спрячет тело. Тем более, время поджимало – солнце уже начало клониться к закату, а ночевать в горах с мертвецами Тарасу не очень хотелось. Хорошо еще, что здесь, где бы он ни был, стояло лето.

Нетвердым шагом Тарас прошелся по берегу ручья, кое-где обрывистому, и обнаружил неподалеку яму, в которой вполне могло поместиться тело одного человека. Вернувшись, он скинул с себя бронежилет. Сняв с мертвеца его рубище и набедренную повязку, чтобы никаких следов не осталось, Тарас перекатил остывшее тело на бронежилет, чтобы дотащить до ямы. Тут он заметил на посиневшей спине мертвеца глубокие следы от розг или другого орудия порки. По всему было видно, что при жизни парню приходилось несладко.

Дотащив бездыханное тело до ямы у ручья, Тарас скинул его вниз. Туда же он положил свою одежду, бронежилет и шлем, оставшись только в трусах и берцах. Все это Тарас старательно заложил камнями, сделав так, чтобы ничего не было видно ни с дальней стороны ручья, ни с этого берега.

На все ушел почти час. Камней вокруг было много, но они были мелкие, а Тарас все делал основательно. Несмотря на то что трупы ему еще никогда прятать не приходилось, в глубине души он почему-то был уверен, что вдвоем им на этом свете лучше не находиться. И мертвеца этого просто так бросать не следовало. Конечно, лес вокруг, горы. Живности полно, наверняка есть и звери, желающие поживиться падалью. К утру от трупа могли остаться только обглоданные кости. И все же мало ли что. Береженого, как говорится...

«Может, и к лучшему, что помер, – подумал Тарас, глянув на груду камней и вспоминая шрамы на спине мертвеца, – зато теперь ему не о чем беспокоиться. А мне пора».

Преодолевая брезгливость, боец натянул на себя набедренную повязку и непривычную одежду, полностью перевоплотившись в «мертвеца» и оставив себе только берцы. При ближайшем рассмотрении одежда оказалась просто куском ткани, даже не закрывавшим колени. Он обернул эту ткань вокруг себя, перебросив через одно плечо и подпоясавшись ремешком, как это делал мертвец. А через шею перекинул ремень от ножен кинжала, также одолженного у своего двойника. Кинжал был длинный и острый, но как-то небрежно сделан. Не было на нем никаких хромированных деталей, за которые так любил это оружие Тарас. Ни пилы, ни шила, ни открывалки. В общем, ничего лишнего. Просто лезвие с медным отливом и ручка из кости, испещренная непонятными, но странно знакомыми буквами. Словно видел их где-то раньше. И не раз.

– Ну чистый грек, – решил Тарас, осмотрев себя с ног до головы, – ребята увидят, засмеют.

Черные шнурованные берцы на ногах под этим древним рубищем смотрелись явно инородным телом. Ну не босиком же идти, камни кругом. Поежившись на свежем ветру, – новая одежда почти не согревала, а повязка еще и терла с непривычки причинные места, – Тарас направился к дальнему краю ущелья, где виднелся свободный от леса участок скалы. Добравшись до этого места, он остановился, чтобы осмотреться в очередной раз, поскольку увиденное ничуть не успокоило его, а только добавило пищи для размышлений.

Спецназовец стоял на краю, почти на вершине горного хребта, который, петляя, уходил на восток и терялся за горизонтом. С другой стороны тянулись километров на двадцать горы, постепенно переходя в холмы, а затем в равнину. Большинство склонов этих неизвестных гор обильно поросли лесом, а высоченных вершин с вековым льдом и снежными шапками по близости не было. Значит, горы не высокие. Тарас припомнил, что лес выше двух тысяч метров не растет, то есть это не Памир и не Тянь-Шань.

– Может, Кавказ? – подумал вслух боец «Тайфуна», глядя, как быстро темнеет. На долю секунды ему показалось, что на самом горизонте блеснула в лучах заката полоска воды. Примерно в двадцати километрах впереди, там, где начиналась равнина, ему удалось разглядеть и какие-то селения в несколько

домов.

– Только бы не Чечня, – подумал Тарас и осторожно двинулся вниз по каменистой тропе, сжав ладонью рукоять ножа.

Тот факт, что он, потеряв сознание в тюрьме под Питером, вдруг «выплыл» пусть даже и на Кавказе, его уже не сильно занимал. Тарас быстро смирился со своей судьбой. Ну оказался и ладно. Доктора потом все объяснят, главное до них добраться. А изводить себя такими вопросами – только торопиться в психушку.

Фантазировать Тарас не любил, да еще тренировки по излечению от многочисленных страхов не прошли даром. Едва сообразив, что он очнулся совсем не там, где должен был очнуться по всем возможным вариантам, Тарас быстро справился с шоком. Попал – выбирайся, а там посмотрим, чей ты пациент.

Через полчаса, прыгая по камням, он добрался до очередного ручья, берег которого был завален большими валунами. Ручей оказался небольшой горной речкой, так громко шумевшей, что Тарас невольно проникся уважением к ее силе и в наступившей темноте не решился форсировать. Можно было легко сыграть в ящик, ударившись головой о камни. Идти же вдоль течения он тоже не захотел, тем более, даже небольшой спуск с вершины хребта показал, что он еще не полностью пришел в себя после контузии. Его опять затошнило, голова стала кружиться.

– Придется переночевать здесь, – решил Тарас, – на службу я уже все равно опоздал. Утро вечера мудренее.

И нарвав высокой травы на пустынном берегу реки, он отошел от русла метров на сто, устроив себе лежбище между камнями. Организм требовал отдыха. Конечно, жестковато было спать прямо на земле и холодновато – горы все-таки, но на службе в российской армии и не такое приходилось выносить. И все же долгое время Тарас никак не мог заснуть, сжимая в руках кинжал, – не выходили из головы воспоминания о мертвце, похожем на него, как родной брат. Того ведь задрал кабан. Значит, зверья в здешних местах хватает, и надо быть настороже. Но не только это беспокоило Тараса. Гораздо больше он хотел знать, почему тот парень так вырядился и бродил по горам один с таким странным оружием, когда уже давно придуманы шикарные ножи, не говоря уже о карабинах или автоматах. Судя по всему, он был охотником, только, похоже,

молодым и неопытным. Другого объяснения Тарас пока не находил. Но даже если ты молодой охотник, зачем бродить по горам без обуви и нормального снаряжения? «Видно, я действительно угодил в дикие места, – решил Тарас, засыпая, – завтра надо быть осторожнее».

На следующее утро он нашел брод и переправился на другую сторону реки. А обсохнув, направился напрямик сквозь лес и вскоре, петляя среди деревьев, вышел к какой-то деревне. Точнее хутору, стоявшему на небольшом клочке земли у самого леса. Иначе эти несколько полуразвалившихся хибар из прутьев и соломы было и не назвать. Едва Тарас заметил жилище, как у него сработал инстинкт десантника, и он залег за стволом поваленного дерева, решив рассмотреть местных жителей, не выходя из леса и до поры не обнаруживая себя.

Так он пролежал минут двадцать. За это время Тарас разглядел четверых бородатых мужиков почти в таких же рубищах, какое он носил на себе, которые вскапывали не то палками, не то мотыгами каменистую землю. Другого «оружия» при них не имелось. А также трех женщин, которые доили пасшихся по соседству с деревней коз, наполняя теплым молоком глиняные кувшины с гнутыми ручками. Между домами бродили голые дети. Выглядели все местные так, словно прогресс обошел стороной эту богом забытую деревню. Ведь никаких антенн или столбов линий электропередач боец не заметил. Значит, не было здесь ни света, ни телевизоров, ни даже телефона, чтобы сообщить в часть о себе.

Однако другого выхода Тарас не видел и решил пойти на контакт. В крайнем случае подскажут, сколько до ближайшего райцентра топать. «Главное, чтобы по-русски понимали, – озадаченно подумал Тарас, разглядывая бородатых и смуглолицых мужиков, – ну а если что, с этими орлами я и один голыми руками справлюсь. Лишь бы у них по „калашу“ в домах не было припрятано.»

Давно поднявшееся на небосвод светило начало припекать, и скоро Тарасу стало жарко лежать даже здесь, на границе солнца и тени. Он поймал на своей щеке жучка и резко сжал его пальцами. Тонкий панцирь с хрустом треснул, разбрызгав бурое тельце. «Ладно, – решил Тарас, поднимаясь и поправляя ножны кинжала, – где наша не пропадала».

Выйдя из леса, он направился напрямик к мужикам, решив разузнать у них обо всем, а заодно попросить, чтобы дали кусок хлеба и стакан молока, если не

найдется чего поинтереснее в закромах.

– Здорово, крестьяне! – громко приветствовал боец всех сразу, незаметно приблизившись к ним со стороны леса на расстояние двадцати шагов. – Не дадите воды напиться?

Однако реакция местных оказалась неожиданной. Трое мужиков, едва завидев его, кинули свои палки на землю и бросились бежать в сторону деревни, оглашая окрестности странными криками, смысл которых до Тараса никак не доходил. Не знал он этого языка и подумал с разочарованием: «Не русские». А четвертый, тот, который остался на месте, перехватил палку с металлическим наконечником покрепче, приготовившись к обороне и зло поглядывая на приближавшегося Тараса.

– А ты, значит, самый смелый? – продолжал налаживать контакт спецназовец, останавливаясь в пяти шагах от мужика.

Мужик молчал, но лютая ненависть в его глазах озадачила Тараса.

– Чего испугались-то? – попытался выяснить причину переполоха Тарас, глядя, как убежавшие крестьяне похватили своих баб и детей и скрылись в лесу с другой стороны горной поляны. – Я же не бандит с большой дороги. Скорее наоборот.

Мужик перехватил палку в другую руку и сделал шаг в сторону, приняв новую позицию для обороны. Вступать в словесный контакт он явно отказывался.

– Мне до телефона добраться надо, – высказал Тарас последний аргумент, – связаться со своими.

И чуть не ляпнул: «Я военный, российская армия». Но вовремя осекся. Странная была деревня, и русских здесь могли не очень уважать, мягко говоря. Впрочем, на лице мужика не отразилось ровным счетом ничего. Он явно не понимал, о чем говорит Тарас. Однако поигрывал мотыгой, словно ожидая нападения, хотя боец специально держал руки на виду, не прикасаясь к кинжалу. Успеется. Сначала информация.

Но, вглядываясь в нервного мужика, в одиночку решившего во что бы то ни стало защитить родную деревню от пришельца из леса, в голову Тараса полезли странные мысли. Ему вдруг показалось, что его «узнали в лицо». Слишком уж быстро убежали от него деревенские мужики, едва увидев. Хотя своей рожей и одеждой он не так уж сильно от них отличался. Не негр и не арабский террорист. А все-таки шороху навел одним своим видом.

– Ты ко мне не лезь, – предупредил Тарас, кожей чувствуя лютую ненависть, исходившую от этого мужика, – я мирный человек, пока меня не трогать. А тронешь, глаз на окорок натяну, сечешь?

Ответа не последовало.

«Может, тот парень здесь набедокурил? – в сомнении размышлял Тарас, поглядывая на ходившего кругами крестьянина, а сам вспоминал мертвеца. – Кто же он был такой? Может, бандит, а не охотник. А может, и то, и другое. В общем, нравы тут дикие, как я погляжу. А может, и не Россия это вовсе. Везет, блин, как утопленнику».

От философских размышлений его излечил резкий удар мотыги, направленный прямо в голову. Снизу вверх. От молчаливых угроз крестьянин перешел к действию.

– Да ты что, охренел, что ли, придурок сельский? – отпрыгнул боец в сторону. – Руки чешутся, подраться не с кем? Прямиком на зону хочешь из своего сельпо отправиться?

Мотыга еще рез просвистела над головой отступавшего к лесу Тараса, который не хотел пускать в ход кинжал. А мужик все наступал, размахивая мотыгой сплеча, явно вознамерившись убить его, хотя и делал это крайне неумело. Как крестьянин, не обученный премудростям восточных единоборств. Впрочем, если бы не реакция Тараса, то никаких премудростей и не понадобилось бы. Мужик был не из слабых, и один точный удар его мотыги мог расколоть череп спецназовца, как арбуз.

Наконец Тарас ухитрился пригнуться и проскочить под мотыгой, в очередной раз разрезавшей воздух над ним. Он перехватил ее и нанес короткий, но очень болезненный удар в пах мужику носком кожаного сапога. Удар достиг цели, и

нападавший повалился на камни, завыв от боли. Для пущей убедительности Тарас съездил еще пару раз мужику по ребрам своими берцами и, немного выпустив пар, успокоился. Он умел быстро приходить в себя. В драке нужен холодный разум, а на его службе тем более. И все же он решил попугать мужика, уж больно тот оказался тупорылым.

– Я же тебя предупреждал, чмо, – назидательно проговорил боец, отбрасывая мотыгу в сторону и выхватывая кинжал, – если не с кем подраться, бейте друг друга. Стенка на стенку. Вот сейчас отрежу тебе уши, чтобы помнил, как на спецназ наезжать.

Он сделал шаг в сторону поверженного противника и вдруг увидел ужас в его глазах. Тот явно прощался с жизнью, решив, что Тарас заколет его сейчас, как свинью. Насладившись моментом, боец убрал кинжал в ножны и уже хотел пойти дальше своей дорогой, как произошло нечто такое, чего он никак не ожидал.

Крестьянин вдруг метнулся к его ногам, обнял их и стал целовать покрытые грязью и пылью берцы, бормоча что-то нечленораздельное. По всему было видно, он ожидал смерти за свое сопротивление, но, неожиданно избежав ее, теперь благодарил Тараса и, возможно, клялся ему в чем угодно. Ошеломленный боец несколько секунд стоял в оцепенении, а затем с отвращением оттолкнул от себя валявшегося в ногах мужика.

– Пошел вон, животное, – сплюнул он, – совсем оскотинился, а теперь благодарит. Пить надо меньше и кулаками попусту махать. Проживешь дольше.

Еще раз сплюнув с досады, Тарас быстрым шагом пересек деревню и углубился в лес на другой стороне, не слишком беспокоясь, что остальные жители будут его преследовать. Если вспомнить скорость, с которой они убежали, то наверняка уже были давно за соседней горой.

Так он шагал часа три по тропе сквозь лес, росший на склоне, сначала вверх, а потом вниз и вскоре оказался в широкой долине, по дну которой шумела очередная река. Никаких селений больше не попадалось. Здесь он остановился у огромного валуна, решив дать отдых уставшим ногам. Попил чистой воды и присел на камень в тени незнакомого раскидистого дерева, больше похожего на куст. Хотелось обдумать происшедшее в деревне, поскольку Тарасу не давало

покая странное чувство, – что-то здесь было не так. Странные ему попались селяне. То, что они ковырялись в земле доисторическими орудиями и света в деревне нет, это еще ерунда. На просторах России такие уголки сохранились во множестве. И там, даже в двадцать первом веке не то что про Интернет, про лампочки слыхом не слышали и с чем их едят, не догадывались. Это все спецназовец понять мог. Сам отсюда родом. Но их поведение показалось Тарасу странным. Ведь вели они себя не просто, как бухие селяне, которые наехали на приезжего, решив ради развлечения выпустить ему кишки. Появление Тараса вызвало у них настоящий ужас, словно он был каким-то чудовищем. Но чудовищем знакомым, которое раз в году выходило из леса и съедало лучшего из них. И этот лучший крестьянин даже рискнул ему противостоять, но проиграл и ждал законной смерти. В общем, вели они себя, как настоящие рабы. Вот что показалось Тарасу, и от этой мысли он никак не мог отделаться.

– Это куда же меня занесло? – в очередной раз спросил он сам себя.

Нет, он был наслышан, как относятся к гастарбайтерам некоторые барыги, морят их голодом и травят собаками, заставляя работать. Может, он набрел на одну из таких запрятанных деревень, где новые русские (или не русские) восстановили рабство в полном объеме, лишив этих бедолаг документов и права на свободу. Но эта идея показалась Тарасу странной. Зачем селить несколько семей в горах и оборонять землю, не коноплю же они здесь выращивают? Хотя кто знает. Он ведь не присматривался. Вполне может быть. В Афганистане климат схожий. Солнце, горы и рабы, а что еще надо для такого производства.

«Ладно, – решил Тарас, вставая, – пойду дальше вниз. Найду еще кого-нибудь, может на этот раз повезет».

Он спускался по долине вдоль реки по самому солнцепеку до тех пор, пока не стало темнеть. Уставшее за день тело требовало отдыха, да и есть хотелось ужасно. Пора было подумать о ночлеге. Тарас, конечно, мог передвигаться ночью, но не захотел. Местность вокруг деревни была небогатая. За все время пути Тарас видел чуть в стороне лишь одну небольшую деревушку наподобие той, на которую набрел утром. Но заходить не стал. Если здесь на просьбу напиться сразу дают мотыгой по голове, то он предпочитал еще немного пострадать от жажды и голода, пока не найдет селение побольше, с явными признаками цивилизации. Служба приучила терпеть тяготы и лишения, и теперь это пригодилось.

До равнины, по всей видимости, осталось идти не так долго. День, может два пути. Не больше. А здесь лучше было не светиться. Первый контакт вышел не очень обнадеживающим, и Тарас стремился поскорее покинуть эти дикие места.

Перед тем, как на горы опустилась непроглядная тьма, он успел облюбовать себе ложбинку в стороне от реки на склоне горы, поросшей редкими деревцами. Нарвал и набросал высокой травы на каменистую землю, нагретую за день солнечными лучами. Затем медленно, с наслаждением скинул берцы, которые натерли ноги за время долгой ходьбы, и быстро заснул, не обращая внимания на стрекотание цикад.

Глава пятая

Но хорошенько выспаться ему не удалось. Посреди ночи чуткий слух спецназовца даже во сне уловил, как хрустнула ветка во мраке. Тарас открыл глаза и осмотрелся, схватившись за кинжал. И скоро увидел их. В лунном свете от реки к нему осторожно приближались, прячась за деревьями, несколько фигур. Каждая из них тоже сжимала в руке кинжал. Несмотря на полный мрак, царивший в горах, Тарас рассмотрел их довольно хорошо, – зрение уже полностью вернулось к нему, а он и раньше удивлял командиров своей способностью видеть в темноте, как кошка.

Прильнув к камню, Тарас насчитал восемь теней, которые стремились взять его в кольцо. Именно его, он в этом не сомневался. Эти люди передвигались так, словно знали, где находится его логово. «Это еще что за ночные охотники», – подумал Тарас, соображая, кто его выследил и что лучше сделать: убить парочку или сразу дать деру, благо путь к вершине хребта за спиной был еще свободен. Решил в бой не ввязываться, уж больно лихо передвигались эти люди с кинжалами в темноте. Они явно знали горы лучше его.

Но едва он принял это решение, как еще одна ветка хрустнула совсем рядом, и тот, кто на нее наступил, громко произнес несколько слов, обращаясь к его спине. Голос был насмешливый, как у уверенного в себе киллера, который понял, что жертва в капкане и осталось только всадить в нее нож. А потому, не таясь, показался обреченному, чтобы видеть ужас в его глазах.

Тарас ничего не разобрал из его слов, – язык был все тот же, незнакомый. Он обернулся и, перехватив кинжал крепче, приготовился отразить нападение. «Не на того напали, – промелькнуло в мозгу бывшего десантника, – чтобы сразу лапки кверху. Попробуй, возьми сначала».

В этот момент луна зашла за облака, и стало еще темнее. Он лишь смог разглядеть, что среди камней стоял человек почти в такой же одежде, как и он сам, держа в руках кинжал. А из-за камней вышли еще двое. «Так, – понял Тарас, – обложили, суки. Я в ловушке. Ну сейчас вы у меня узнаете, как на людей охотиться, аборигены хреновы».

Но кричать ничего не стал. Лишь процедил сквозь зубы:

– Подходи по одному, уроды. – И, оглянувшись на остальных, которые быстро и бесшумно приближались снизу, сам сделал несколько шагов вперед.

Казалось, главный, тот, что заговорил с ним, был удивлен. Он явно не ожидал сопротивления, но и не испугался. Он был готов ко всему. Переложив свой кинжал в левую руку, мужик бросился на него. Тарас скорее почувствовал, чем увидел резко выброшенную вперед руку и лезвие, которое прошло над ухом. Он едва успел уклониться в последний момент. Сам же, имея возможность всадить кинжал в раскрывшегося врага, не стал убивать. Лишь саданул его коленом в грудь, заставив согнуться, а потом локтем отправил в нокаут. Мужик откатился в сторону, ударившись спиной о камень, и по идее должен был остаться там лежать, но тут же вскочил, распрямившись, словно на пружинах, и бросился на Тараса с новой силой.

Остальные двое не вмешивались, предоставив нападавшему расправиться со своей непокорной добычей один на один. «И то ладно, – подумал Тарас, методично отбивая удары и уклоняясь от лезвия, уже пару раз царапнувшего его по боку, – но, если он не отстанет, придется взять грех на душу. Слишком наглый попался».

Нападавший очередным выпадом заставил Тараса отпрыгнуть и прижаться спиной к камню, но боец «Тайфуна», не мешкая, въехал ему босой ногой в пах, – берцы-то в суматохе надеть не успел, – заставив противника согнуться от боли. А затем, быстро поняв, что противник жилистый, привык переносить и не такую боль, с размаху добавил ногой по роже. Мужик отлетел на несколько метров и

затих, выронив кинжал.

– Вот так, гнида, – назидательно проговорил Тарас и, не теряя времени, метнулся в проем между камнями, который оказался свободным. Сделав три прыжка вверх по острым камням босыми ногами, он быстро понял, как это больно, однако тут же заставил себя забыть про боль. Время терять было нельзя: восемь человек уже почти добрались до его лежбища. И один из них – невысокий парень, как показалось в темноте Тарасу – преградил ему дорогу. Вырос, словно из-под земли.

– Пошел вон, – рявкнул Тарас, отбивая взмах ножа, направленного под ребро, и отвечая коротким ударом ноги в грудь. Парень потерял равновесие и слетел с камня, на котором стоял, рухнув вниз по склону. Оттуда раздался сдавленный крик и даже хруст. Но судьба нападавшего сейчас не интересовала Тараса, который продолжал прыгать с камня на камень вверх по склону, уходя от погони.

Остальные члены стаи, как их окрестил Тарас, бросились за ним. И прежде всего те двое, которые наблюдали за схваткой. Они, похоже, были здесь вожаками и даже что-то кричали ему вслед, явно издеваясь. Но боец, к счастью, не понимал ничего.

Проскакав метров двадцать вверх по склону, Тарас обернулся и, схватив небольшой камень, бросил его в ближайшего преследователя. Тот заметил это и увернулся. Камень просвистел мимо, но дело свое сделал. Погоня отстала еще на несколько метров.

«Что же это за банда малолеток, которые в открытую охотятся на людей по ночам?» – лихорадочно размышлял боец, пробираясь между валунами к вершине горы, вновь хорошо освещенной луной. До нее оставалось уже не больше полсотни метров. Дальше путь шел вниз, там росло много деревьев, и царила тьма, где Тарас надеялся затеряться.

За время драки он успел разглядеть несколько лиц – никакие это были не мужики. Конечно, в темноте было видно не так хорошо, но Тарасу показалось, что самый старший из нападавших был примерно его ровесником. А тот, который упал, да и остальные – еще моложе. Никаких пистолетов или винтовок у них, слава богу, не имелось. Однако все они были с кинжалами и отлично умели ими

управляться, что делало шансы на выживание спецназовца несколько меньше. «Не убивать же этих детей, – думал он, карабкаясь все выше, – с меня и одного хватит».

Впрочем, «дети» могли не оставить ему выбора. Уже попытались разок лишить его жизни. И еще попытаются, если догонят. Поэтому Тарас внял голосу разума и решил сначала оторваться от погони, а потом уже разбираться в своих ощущениях. Но когда он добрался-таки до голой каменной вершины отрога, оторвавшись метров на десять от дышавшей в затылок погони, и уже увидел спасительный лес, у него на пути выросли еще трое. Хорошо различимые в лунном свете, они, не таясь, вышли из леса. Все высокие, длинноволосые, завернутые в какую-то холстину, скрепленную брошью на левом плече, и босые. Двое с кинжалами, а третий держал в руках средних размеров увесистую палку, напомнившую Тарасу бейсбольную биту.

«Это еще что за индейцы», – промелькнуло в мозгу спецназовца, когда он уклонился от брошенного в него ножа. Клинок был запущен прямо в сердце и попал бы в цель, не среагировавшее тренированное тело быстрее. Нож звякнул о камень за спиной, а боец, перекувырнувшись через голову, уже бросился по вершине хребта вправо, увидев, что лес для него пока отрезан. Это было ошибкой. Ночной воздух разрезал свист летящей палки, и мощный удар по затылку срубил его, как топор дерево, погасив свет в глазах.

Очнулся Тарас довольно быстро от какого-то холодка на шее. Башка раскалывалась. Вокруг по-прежнему было темно. «Твою мать, второй раз подряд, – раздосадованно подумал Тарас, – так и в ящик сыграть недолго». И только тут он вспомнил о лезвии ножа, которое надрезало кожу на его шее сбоку. Тарас дернулся и понял, что лежит лицом вниз, а руки его связаны за спиной крепкой веревкой, как и ноги. Рядом сидит на корточках какой-то ублюдок, держит его за волосы на затылке, поигрывая пером у самого кадыка.

«Все-таки поймали, суки, – со злостью подумал Тарас, решив, что сейчас погибнет от рук малолетних бандитов, бог знает где, в каких-то горах, где даже русского не знают, – надо было вас мочить одного за другим, пока была возможность. Пожалел, дурак».

Тот, кто сидел рядом, что-то сказал, точнее приказал. Еще двое подхватили Тараса за руки и перевернули так, чтобы он мог видеть своего палача. Это был длинноволосый парень, действительно не старше его самого. А может, и

младше. Лет восемнадцать на вид. Но в том, что у него не дрогнет рука выпустить кишки, Тарас ни секунды не сомневался. Слишком привычно вели себя эти ребята, словно такая охота была для них не в новинку.

Однако, едва взглянув в глаза своему пленнику, парень опустил нож и даже отшатнулся, воскликнув:

– Гисандр!

Тарас хоть и был контужен второй раз подряд, но сразу понял, что это имя. Причем ЕГО имя. Так его здесь называли, черт бы побрал это место, где бы оно ни находилось. Вернее, не его, а того парня, которого он закопал вчера у горного ручья. И ребята эти отлично знали мертвеца в лицо.

Тарас молчал, отдыхая на спине, набираясь сил. Изучал хорошо различимые в лунном свете лица четырех парней, которые сгрудились над ним с ножами в руках. Он еще не сдался и при первой же возможности хотел попытаться сбежать. Зла в нем теперь хватало. Уроет всех этих недоносков, а если надо, и зарежет всех, кто встанет на пути. Вот только руки бы освободить для начала.

И вдруг палач повернул его на бок и отточенным движением распорол веревки, стянувшие руки. А потом освободил ноги из пут. «Вот те раз», – удивился боец, сбрасывая обрезки веревок на камни и осторожно поворачиваясь на спину, а затем поднимаясь на ноги.

На лицах всех четверых парней, которые стояли перед ним, читалось недоумение. Тот, кого он окрестил «палачом», вдруг протянул руку и дотронулся до затылка Тараса, сказав фразу на своем языке, последним словом в которой снова было «Гисандр». Тарас сначала дернулся, но потом сдержал свой порыв. Парень больше не хотел его убивать, а интонация была явно вопросительная. И боец, пристальнее взглянув на своих преследователей, похоже, догадался о сути вопроса. Палач спрашивал про волосы. Тарас был коротко подстрижен, и его бритый затылок совсем недавно оброс щетиной. А все эти парни носили длинные волосы, видимо по местной моде. А кое у кого даже проклюнулась первая борода.

Изучая эти худые лица голодных волков, Тарас молчал, ошеломленный. В одно мгновение все переменялось. Его явно приняли за другого, а того другого не

узнали в ночи. И, судя по лицам, были сильно удивлены, что смогли догнать и взять в плен. Значит, этот Гисандр был тут не из последних. Авторитетом, можно сказать. Хотя и не самым главным. Тарас мог бы бежать, руки и ноги были свободны. Но все же полученный удар по затылку давал о себе знать. Надо бы отлежаться где-то хотя бы пару дней. Да и чутье подсказывало ему: побыв немного в этой стае, он может узнать что-то важное. Во всяком случае, где он и как отсюда выбраться к своим. Раз эти малолетние бандиты так хорошо ориентировались ночью в горах, они наверняка знали здесь все тропы. Дело оставалось за малым – поговорить с ними, расспросить обо всем. Но Тарас не знал языка, и единственным известным ему словом было пока только имя.

Тарас сделал шаг назад, покачнувшись и ощутив босыми ступнями камень. Хладнокровие к нему почти вернулось. Гисандр, вот значит, как звали того парня. Странное имя, не русское. Но и не кавказское вроде. Бог знает, как Тараса занесло в такую даль от своих, но боец «Тайфуна» решил сыграть в эту игру. Сойти за Гисандра.

Самое умное, что сейчас пришло в голову Тарасу, – прикинуться молчуном. Тем более что все остальные тоже не страдали излишней болтливостью. Говорил только один – похоже, старший из них. И потому, когда он, снова назвав Тараса по имени, кивнул в сторону леса, явно спрашивая, сможет ли тот идти, новоявленный «Гисандр» осторожно кивнул.

Голова гудела, кружилась, но он пошел, покачиваясь на разбитых в кровь ногах. Двинулся следом за остальными в лес. Среди них он разглядел тех троих, которые первыми напали на него. Старшим в группе, Тарас не ошибся, был «палач». Тот самый парень, которого он успел хорошенько отделать, едва не сломав нос ударом ноги.

Один раз Тарас услышал, как кто-то из парней обратился к нему по имени: Деметрий[14 - Все возможные совпадения имен героев с реальными историческими персонажами случайны. За исключением имен некоторых царей, действительно живших в этот период.], – и запомнил это. Имена здесь были в ходу странные, не чеченские, а скорее какие-то греческие, как ему подсказала память. Тарас в детстве увлекался мифами про крутого бойца Геракла, который открутил башку Медузе и содрал шкуру со льва. Мать часто читала и перечитывала ему эти сказки в детстве. Очень Тарасу нравилось, как Геракл «разбирался» со всеми проблемами. А в армии, в полковой библиотеке, никаких боевиков, кроме «Одиссеи», не нашлось, и Тарас от нечего делать в перерывах

между занятиями и марш-бросками, осилил почти треть, но дальше не смог. Устал от всех этих богов, без которых греческие моряки даже за весла боялись взяться. Однако вошел во вкус и учебник по истории потом осилил быстро.

Между тем группа, вытянувшись по одному, стала спускаться по лесной тропе вниз, в тот самый мрак, куда еще недавно так стремился Тарас. Ни фонариков, ни даже факелов, никто не зажигал, однако передвигались все довольно быстро. Тарас с непривычки пару раз споткнулся и чуть не упал, – голова кружилась после удара, опять тошнило. Но его тут же подхватили под руки двое парней и поддерживали до тех пор, пока он сам не отказался от их помощи.

Остальных, тех, кто шел в хвосте небольшого отряда, Тарас не разглядел из-за темноты. Но ему показалось, что все, едва признав в нем своего, позабыли об охоте и даже стыдились того, что не узнали сразу одного из своих.

Вскоре, когда стало светать, слева послышался шум ручья, и группа, ведомая Деметрием, свернула к нему. А еще через пятьдесят метров обнаружилась небольшая поляна среди густо росших деревьев, на которой Тарас смог разглядеть несколько лежанок, устроенных прямо на камнях из речного тростника или веток деревьев. Никаких домов, ни даже палаток Тарас не увидел, но, судя по всему, они пришли. Здесь ночевала вся стая.

Деметрий указал ему на одно из тростниковых лож, а сам, отдав пару приказаний молодым, завалился на соседнее и быстро заснул, не обращая больше внимания на все происходившее. Впрочем, ничего больше не случилось, если не считать, что к Тарасу осторожно подошли несколько парней, включая молодых, и что-то коротко пробормотали, похожее на извинения. А Тарас хоть и не понимал ничего, но слушал незнакомые слова и молча кивал, пытаясь их запоминать. Подошел, ковыляя, даже тот парень, которого он спихнул со скалы. Нога его распухла, похоже, причиняя парню, которому было на вид лет пятнадцать, сильную боль, но он молчал, морщась и опираясь на палку.

«А этот за что извиняется? – не понял Тарас. – Я его калекой сделал. Видать, этот Гисандр и правда был в авторитете среди здешних пацанов. Как бы не облажаться».

Но думать Тарас больше не мог. Слишком многое случилось за прошедший день, а тем более за ночь. Жесткое и колючее тростниковое ложе показалось ему

мягче любой перины, а возможность поспать, не боясь получить перо в бок, выглядела и просто подарком судьбы. Впрочем, проваливаясь в небытие, Тарас решил, даже если его зарежут во сне, он ничего не почувствует. Сейчас он был не против даже умереть во сне, лишь бы не будили. А на остальное ему было наплевать. И на рассвет, и на шум ручья.

Сколько он проспал – неясно, но точно не мало. Солнце светило ярко, уже миновав полуденную черту, когда боец с трудом раскрыл глаза. Деревья давали небольшую тень и прохладу, но всепроникающие лучи солнца уже так разогрели воздух, что спать было жарко. Тарас приподнялся на локте, хрустнув тростником, осмотрелся.

Лагерь был пуст. На ложах из тростника уже никто не спал, кроме него. Лишь у дальнего края каменистой поляны постанывал тот парень, которому он вчера повредил ногу. Другой, чуть постарше, ощупывал его колено с видом знатока-медика. Больше никого не было, если не считать двух мальчишек лет по двенадцати, колдовавших над огнем у самого берега ручья.

Проснувшийся организм мгновенно напомнил Тарасу обо всех перенесенных страданиях и потребовал пищи. Боец обвел взглядом поляну, небольшой костер, но не заметил никаких признаков кухни или запасов еды. Ни стола, ни термосов, ни кружек.

«Они тут вообще не едят, что ли? – расстроился Тарас. – Да еще лечат друг друга сами. Прямо концлагерь какой-то». Он до того расстроился, что, забыв о своей роли, вскинул руку и крикнул молодым по-русски:

– Эй, парень, иди сюда!

Один из пацанов прекратил подкладывать сухие сучья в огонь и подошел, остановившись с вопросительным видом. «Сработало», – обрадовался Тарас. И тут же выпалил:

– Пожрать принеси чего-нибудь.

Чернявый парень, одетый, как и все тут, в кусок ткани, обернутый вокруг тела и прихваченный на плече грубой булавкой, при звуках голоса Тараса округлил глаза, словно тот был с другой планеты. Тарас понял свою ошибку и попытался

изобразить свою просьбу жестами, открывая и закрывая рот, одновременно показывая туда пальцем, мол, хочет есть. Наконец парень сообразил и скрылся среди деревьев, а скоро вернулся и положил перед Тарасом на камни теплый длинный огурец.

– А мяса нет? – снова не выдержал Тарас, заговорив по-русски, но осекся, ответив сам себе мысленно: «Какое мясо, они тут только на людей охотятся, и если каннибализмом не занимаются, то сидят, видать, на подножном корму. Маньяки».

Тарас, желудок которого требовал как минимум банку говяжьей тушенки, разочарованно вздохнул и отправил жестом парня обратно к костру. А сам впился зубами в принесенный огурец. Расправившись с огурцом, который был на вкус сладковатым и противным, он перевернулся на другой бок и снова засопел.

Ушибленная голова дала о себе знать пульсирующей болью. «Пошли они все к черту, – вдруг разозлился Тарас, который после теплого огурца захотел есть еще сильнее, – аборигены хреновы. Чуть на тот свет не отправили. Есть нечего. Что за страна такая, где все ходят одетые, как батраки в прошлом веке? На наш Кавказ не похоже. Хорватия, что ли, или Албания? Может, правда, Греция? А, плевать, буду валяться, пока не оклемаюсь».

И он снова задремал под шум горного ручья. Очнулся он уже ближе к вечеру. В первую секунду ему показалось, будто он спит дома в родной квартире после возвращения со службы, но, открыв глаза и вспомнив, где он, Тарас прислушался. Ему показалось, что недавно рядом кто-то громко кричал. Точнее, орал так, словно его резали на ленты по живому. Именно этот крик и разбудил слегка пришедшего в себя бойца, которому удалось отдохнуть. Теперь он чувствовал себя немного лучше, хотя «контузия» еще не прошла.

Тарас с неудовольствием повернулся на бок, хрустнув тростниковой подстилкой. Решил рассмотреть возмутителя спокойствия и обомлел. На сей раз лагерь у ручья был вновь полон народа.

В десятке метров, у дальнего края каменистой поляны, пятеро парней во главе с Деметрием точно собирались зарезать какого-то мужчину. Четверо держали его за руки и ноги, а Деметрий хладнокровно присматривал участок живота пленника, в который было удобнее воткнуть длинный нож. Несчастному было

лет сорок. Он был совершенно голым, только в набедренной повязке, и извивался, как уж, но четверо парней держали его крепко. Даже смеялись, словно уговаривая не брыкаться, а расслабиться и получить удовольствие.

Прикидываться шлангом, изображая из себя авторитета среди молодежи, Тарас еще мог, но только до тех пор, пока при нем никого не убивали. Сработал рефлекс.

– Эй, – крикнул Тарас, поднимаясь на теплые камни, – отпустите мужика. Отпустите, я сказал.

Но Деметрий на этот раз то ли не расслышал его из-за смеха своих помощников и криков жертвы, то ли не захотел слушать. А потому, не успев Тарас сделать и двух шагов к своему вчерашнему «палачу», как тот точным движением вонзил нож повыше пупка в оголенный живот жертвы и, как заправский хирург, сделал быстрый и длинный надрез вдоль. А затем еще один и еще, по кругу.

Не обращая внимания на дикий вопль жертвы, Деметрий вспорол мышцы на животе пленника. Затем, запустив туда руку, выхватил и с торжествующим видом поднял вверх внутренности жертвы. Смотревшие за этим парни из отряда радостно заголосили, трижды издав победный клич, словно Деметрий, по рукам которого текла кровь, совершил какое-то жертвоприношение и одновременно развлек их.

Но Тарас уже не обращал на это внимания. Вопль истязаемого так резал его барабанные перепонки, что он бросился вперед, словно получил команду «фас» от своего взводного. Перед ним снова был зэк, хоть и малолетний, которого следовало привести в разум, чего бы это ни стоило. И тот факт, что в руках у Тараса не было автомата, а на нем защитных доспехов, ничуть его не остановил.

Оказавшись рядом в два прыжка, он пнул ногой одного из парней, который держал умирающего пленника на земле, отбросив его в сторону. А затем нанес с разворота удар ногой в лицо Деметрию, который стоял на коленях и все еще держал в руках кишки умирающего, наслаждаясь его воплями. От этого неожиданного удара Деметрий развернулся и упал спиной на камни, отшвырнув в сторону кишки, кровь с которых забрызгала и самого Тараса. Тот подпрыгнул ближе и, не дав подняться, снова ударил Деметрия ногой в бок, а затем схватил его за длинные волосы и приложил мордой об острый камень.

Все остальные парни стояли, как и вчера, ошеломленные, но бездействующие. Никто не вмешался. Даже тот, кого Тарас ударил ногой. И он в исступлении избивал, месил ногами и руками Деметрия на виду у всех до тех пор, пока тот не решил схватку кардинальным образом. Едва придя в себя от первых ударов по голове, Деметрий приподнялся, отскочил в сторону и с разворота всадил нож под ребро Тарасу, который в ярости не обратил никакого внимания на то, что его противник все еще сжимает лезвие в руке. Клинок вспорол бок, скользя по ребрам, и накидка Тараса мгновенно намочла от крови.

Он покачнулся, зажав бок рукой, отступил назад. Боль звездой заструилась от раны. Силы быстро покидали его. А Деметрий, напротив, шагнул к нему и, глядя в глаза, с ненавистью крикнул что-то, брызгая слюной. Тарас покачнулся еще раз. Затем в ушах стал нарастать вой, словно проносящийся мимо платформы поезд. Ноги его подкосились, и белый свет потух, сжавшись в черную точку.

Глава шестая

Прозрение

Долгое время он пребывал в странных мирах, не понимая, жив он или мертв. Его душа носилась между ними в смятении. Кромешная темнота сменялась пронзительно яркими картинами гор и рек, по берегам которых сидели страшного вида звери, похожие на помесь огромных собак и орлов, жаждавшие его крови. Они посматривали на него злыми глазами, то и дело приоткрывая хищные клювы и ощеривая пасти с острыми клыками. Тарас понимал, что звери эти ждут его. Именно его. Едва приблизившись к берегу, он тотчас в ужасе бросался прочь. Но далеко убежать не мог и снова возвращался, влекомый неведомой силой.

А в последний раз, остановившись у реки, он заметил на другом берегу себя. Вернее, того парня, которого он закопал в горах. Он стоял среди зверей в набедренной повязке, как ни в чем не бывало, хотя из его рваной раны на животе струилась кровь, и призывно махал рукой. Тарас вновь ощутил непреодолимый зов реки, качнулся вперед, но в последний миг пересилил себя и бросился прочь от этих чудовищ, вновь растворившись во тьме.

– Теперь выживет, – раздался над ним незнакомый голос, и Тарас с запозданием ощутил, что ему только что вылили на голову ведро холодной воды.

Со страхом увидеть над собой одно из этих чудищ с распахнутой пастью, он открыл глаза и вздрогнул, отшатнувшись. Но потом успокоился: над ним склонились двое волосатых парней, лица которых он смутно припоминал. Значит, он еще не умер и был все там же, среди банды малолетних убийц, растерзавших на его глазах ради удовольствия ни в чем не повинного крестьянина. Впрочем, с первыми признаками сознания в тело вернулась и боль. Сильная боль. Весь левый бок словно горел, объятый пламенем. Дернувшись, он застонал, схватившись за бок, и едва снова не потерял сознание.

– На вот, – сказал один из парней, засовывая ему в рот какую-то горькую траву. Тарас попытался ее выплюнуть, вкус был отвратительным, но цепкие пальцы лекаря не дали ему этого сделать.левой рукой парень разжал ему зубы, а правой запихал траву в рот. Волей-неволей пришлось прожевать. Сначала он решил, что его хотят отравить, но потом, спустя пять минут, проглотив сок травы, он вдруг ощутил сладкий дурман в голове и во всем теле. Это было что-то похожее на обезболивающе и наркотики одновременно.

Невольно расслабившись, Тарас отключился. А когда снова пришел в себя на рассвете очередного дня, мог уже соображать вполне сносно, хоть слабость была сильная и бок болел по-прежнему. Осмотревшись и ощупав себя, боец «Тайфуна» пришел к выводу, что пролежал на своей тростниковой подстилке не меньше двух недель, – за это время борода его отросла довольно прилично. Рана на левом боку, зашитая кем-то толстой ниткой из жил неизвестного животного, выглядела ужасно, но уже начала затягиваться. Слава богу, что клинок лишь скользнул по ребрам. Поэтому Тарас даже решил чуть позже встать и походить, привыкая к вертикальному положению. Распоротая на месте раны накидка тоже была кем-то выстирана и грубо зашита. Ему не только не дали спокойно умереть после драки с Дементином, но явно выхаживали по неизвестной пока причине.

Тарас не мог понять – почему. Он осторожно присел и обвел настороженным взглядом лагерь у реки. Неожиданно он встретился взглядом с одним из парней, с тем, который «кормил» его травой. Заметив, что раненый снова очнулся, тот подозвал парня помоложе и что-то сказал ему, махнув рукой в сторону Тараса. Молодой кивнул, скрылся в тени деревьев и вскоре принес к его лежанке пару огурцов и кусок хлеба из муки такого грубого помола, который только приходилось видеть спецназовцу. Но он был рад и этому, ибо, едва увидев пищу,

сразу же ощутил, как страшно проголодался. Он не ел ведь уже почти две недели. Пожирая сладковатый огурец с пресным хлебом, краем сознания Тарас отметил, что больным солдатам в таких случаях полагался куриный бульон или целебный отвар, но был рад и хлебу с огурцами. Выбирать не приходилось. Слава богу, что его вообще не убили, ведь нарвался по полной программе. Вмешавшись в разборки, он, наверное, нарушил дикие законы этого горного братства, за которые вполне могла полагаться смерть даже тому парню, которого он замещал в этой стае. И все-таки его не убили, а даже вытянули с того света, заштопав дырку в боку. Что бы это значило?

Хрустя огурцом, Тарас озирался по сторонам, приглядываясь. «Медбрат», один из двух, которые лечили его травой, заметив, как он набросился на еду, удовлетворенно кивнул, но не стал приближаться и заводить разговор. Деметрия в лагере не было, как и основного состава самых взрослых парней. «Наверное, разбрелись по окрестностям, чтобы пограбить прохожих, – невесело подумал Тарас, с трудом проглатывая сладковато-горькую пищу, которая не лезла в глотку с сухим хлебом: воды ведь ему не предложили. – Вот угодил в историю, теперь пойду по криминалу. Хорошо, если сочтут свидетелем, а то ведь могут и соучастником убийства сделать вместе с Деметрием, когда возьмут всю эту банду. Доказывай потом, что не ты резал этого мужика».

За время его первого завтрака в этой походной жизни мимо прошли четверо босых мальчишек лет по двенадцати, направляясь в сторону тропы. Бросив на Тараса ничего не выражающий взгляд, они прошагали по камням, придерживая ножны для кинжалов, и скрылись в лесу, разговаривая о каком-то предстоящем деле. Но Тараса ошеломил не столько вид этих мальчишек, запросто босиком прыгавших по камням, сколько их разговор. До него вдруг дошло, что он понял несколько фраз из незнакомого языка, хотя и с пробелами.

«До деревни илотов недалеко, – сказал один, – к вечеру дойдем». А другой ответил: «Деметрий приказал никого... только украсть еды... сколько унесем».

Тарас едва не подавился огурцом, который тоже оказался ворованным, как, похоже, и все в этом лагере. Впрочем, это его уже не удивляло. Судя по повадкам этих ребят, здесь пахло настоящим криминалом, в который ему, менту, повезло вляпаться со всей дури. Попробуй теперь отмазаться. Но это все уже было давно ясно. Его поразило другое: словечко – илоты, – показавшееся странно знакомым. Где-то он его уже слышал. А может, читал.

Доедая хлеб, Тарас некоторое время напрягал память, но ослабленное сознание ничего не подсказывало, кроме смутного подтверждения того, что слово это он знает и оно как-то относится к древней истории, которую он частично освоил в армии, от отсутствия выбора читая учебник вместо детектива. «А, ладно, какая разница, – отогнал суетные мысли Тарас, – чего голову ломать, ее сначала вылечить надо».

И вдруг остолбенел: «А как же я их понимать научился? Неужели во сне, пока валялся тут, а они вокруг шастали и не таясь говорили о своем». Тарас даже перестал есть от удивления, выдвинув такую гипотезу.

«А что, – прищурился боец, закончив скудную трапезу и вытирая руки о недавно выстиранную накидку, – бывают же разные методы обучения во сне под магнитофон. Лежишь себе, ничего не делаешь и умнеешь. А потом раз – открыл глаза, а ты уже англичан понимаешь, как будто здесь и родился».

Снова откидываясь на подстилку из тростника и держась за саднивший тупой болью левый бок, Тарас продолжал размышлять. Ведь о таких методах он только слышал, но ни разу в жизни людей, обученных во сне, не встречал. Хотя в подобные технологии верил. Новая служба раскрыла ему глаза на некоторые возможности человека, которые он раньше считал невероятными. Может, и тут полученные навыки неожиданно помогли. И все же...

«Но если так, тогда я должен уметь и говорить на их языке, – прикидывал Тарас, глядя, как в его сторону направляются те двое „лекарей“, которых он увидел первыми в этой новой жизни после ранения, – вот сейчас и проверим».

Парни были примерно его возраста, из «старшей группы», – лет по девятнадцать-двадцать. Загорелые. В таких же накидках, переброшенных через плечо и доходивших до колен, только изрядно потрепанных по сравнению с плащом Тараса. Видно, прыгали по горам гораздо больше.

Один был повыше ростом, примерно с Тараса, но гораздо худощавее, хотя и жилистый, по всему видно. А второй на полголовы пониже и тоже крепкий. Физподготовка здесь была на уровне у всех, это бросалось в глаза. Оба были длинноволосые. У того, что ниже ростом, вдоль левой руки от локтя к запястью струился тонкий шрам. А у высокого левый глаз был прищурен чуть больше, чем надо. Похоже, ему хорошо приложили в давней драке чем-то тяжелым в бровь,

но глаз остался зрячим.

Приблизившись, оба парня остановились в трех шагах от лежащего Тараса.

– Очнулся? – спросил высокий.

Тарас осторожно кивнул, не решаясь пока раскрыть рта. И вдруг сам собой произнес:

– Да.

– Это хорошо, – продолжал высокий, кивнув, и добавил длинную фразу, которой Тарас совсем не понял.

«Система-то с пробелами, – огорчился он, поглядывая на парня, который явно ждал от него ответа, – придется доучиваться на ходу». И, положившись на интуицию, отрицательно замотал головой. Похоже, и такой ответ удовлетворил вопрошавшего. «Может, здоровьем интересовался, – промелькнуло в голове у Тараса, – он ведь тут вроде медбрата».

Боец оказался недалек от истины.

– Ты... долго лежишь, Гисандр, – заметил второй, – надо... Тело... оно... двигаться.

«Надо же, – не переставал удивляться Тарас, – почти все понимаю».

И тут же попытался встать.

От резкого напряжения мышц он покачнулся, голова закружилась, но он устоял, уняв дрожь в ногах. Оба эскулапа удовлетворенно переглянулись, усмехнувшись.

– Хорошо, Гисандр, – кивнул высокий, – теперь...

Тарас опять не понял смысла, но решил, что от него требуют сделать несколько шагов. Сделал. Боль пронзила бок и живот, отдала в ноги, слабость снова накатила, и он присел на ближайший камень. На лицах наблюдателей отразилось разочарование.

– Больно, – откровенно пожаловался Тарас на незнакомом языке.

– Ты... терпеть, – безразлично напомнил низкорослый парень, даже поморщившись оттого, что услышал жалобу от такого крепкого бойца, как Гисандр, словно тот вообще не мог испытывать боль после ранения, – иначе педоном тебя накажет, когда вернемся в Лаконию.

– Куда вернемся? – пробормотал Тарас, ничего не поняв.

– Встань, – снова скорее попросил, чем приказал долговязый.

Тарас нехотя подчинился. Тот резким движением сдвинул на бок одеяние бойца, оголив живот. Протянул жилистую руку и резко сжал стальными пальцами рану на боку. Тарас взвыл от боли, взмахнув руками и едва не заматерившись по-русски: «Отвали, коновал хренов». Но сдержался из последних сил.

А «коновал» остался доволен увиденным, даже снова потрогал шов, проведя по рубцу пальцем. Видимо, это он и заштопал рваный бок Тараса, пока тот блуждал между мирами в бессознательном состоянии. Так что, можно сказать, этому бандиту Тарас был обязан своим возвращением.

– Пойдем, Архелон, – обратился долговязый к своему спутнику, заканчивая первый «осмотр», – он еще...

– Идем, Эгор, – кивнул тот, – нас ждет...

Но кто их ждет, Тарас опять не понял. У него создалось ощущение, что слух его постоянно дает сбои, доводя до сознания только половину смысла. А оба парня, словно позабыв о стоявшем перед ними «пациенте», развернулись, чтобы уйти.

– Эй, – не выдержал Тарас, – а мне что делать?

– Сегодня... завтра... ходить, – наказал, обернувшись долговязый Эгор, неожиданно протягивая бойцу горсть знакомой сушеной травы, – тело работать. А потом...

Тарас напрягся; похоже, лежать ему больше не дадут.

– Деметрий... нападение на... илотов, – добавил второй «медбрат», которого звали Архелон, – он... ты должен пойти... вместе... если выживешь.

И ушли, не дожидаясь ответа, в сторону лесной тропы. В лагере снова остались лишь малолетки. А смертельно уставший от этого осмотра Тарас, не раздумывая запихал в рот «обезболивающее» и рухнул на тростниковую лежанку, с наслаждением вытянувшись. Он был еще слабоват для походов, но это, похоже, местного «пахана» Деметрия, едва не отправившего его на тот свет, совсем не волновало.

«Значит, день или два у меня еще есть отлежаться, – размышлял он, прикрыв глаза от солнечного света и ощущая, как по жилам разливается горьковатое снадобье, затуманивая перегруженный новыми впечатлениями мозг, – а потом меня поведут на дело, чтобы замазать окончательно. Непонятно вообще, почему не добили. Нет, надо что-то придумать. Сбежать отсюда, что ли, пока не раскололи и не связали по новой? Скоро они стоянку меняют, это ясно. Куда они там собирались возвращаться с добычей, в Лаконию? А это еще что за деревня...»

Не додумав мысль, Тарас сам не заметил, как опять провалился в глубокий сон. А проснувшись, понял, что уже вечер. Неподалеку от раненого сновали молодые пацаны, колдуя над костром, на котором на этот раз жарилось что-то мясное. Присмотревшись, Тарас разглядел в отсветах костра тушу какого-то животного, не то молодого и не слишком крупного кабана, не то барашка. Рядом с огнем стояли пятеро старших парней, у ног которых валялась еще одна туша, больше походившая на крупного козла, судя по рогам. И этот козел был еще жив, но связан. Он то и дело брыкался, пытаясь подняться, но безрезультатно. Путы держали его надежно.

«Интересно, – подумал Тарас, чутким носом втягивая запахи жареного мяса, – добычу они на охоте убили или тоже украли у крестьян? С них станется».

Народ у костра балагурил больше обычного, по всему было видно, что отряд или несколько групп вернулись из своих налетов с большой добычей. Тарас после глубокого сна почувствовал себя лучше и решил было встать, чтобы размяться. Но потом передумал и продолжал лежать, втихую проверяя свои лингвистические способности. Он слушал и подсматривал за говорившими, стараясь в точности понять смысл сказанных слов. Благо за много дней его вынужденного нахождения на этой поляне у ручья вся братия привыкла к нему и уже давно воспринимала его как часть горного пейзажа.

– ...он визжал, как свинья, когда Деметрий отрезал ему руку, державшую мешок с зерном, – хохотнул один из старших, рассказывая, видимо, недавно случившуюся историю.

– Свинью у него мы тоже забрали, – поддержал шутку другой парень, невысокий здоровяк со сломанным носом, указав рукой в сторону жарившейся на костре туши. – Нельзя быть жадным, когда тебя просят по-хорошему.

Его шутке рассмеялись и все остальные, находившие поступки Деметрия забавными. Самого предводителя этой стаи у костра не было. Впрочем, как и еще человек десяти из старших. Видно, опять отправился на новое дело. «Неугомонный этот Деметрий, – решил Тарас, радуясь и одновременно пугаясь тому, что понимает практически весь разговор, – просто преступный мозг этой банды. Его надо будет взять первым, остальных будет скрутить легче».

– Сегодня будет настоящий пир, Плидистрат, – добавил здоровяк, вновь указав на подрумянившегося поросенка, – давно такого не бывало.

– Да, – кивнул тот, – ты прав, Книд. Хотя педоном нам и запрещает есть вдоволь, но пока мы здесь одни, надо хоть раз порадовать себя горячей и сытной едой. Деметрий разрешил. В долине Эврота мы долго такого не увидим.

– Это верно, – кивнул Книд, сломанный нос которого был хорошо замечен на фоне пламени, – еще чуть больше месяца и нам придется возвратиться к алтарю Артемиды, где нас ждет отличная порка.

– И многие из нас умрут, отдав души богам, – ухмыльнулся тот, кого называли Плидистрат, – как это случилось со многими тогда, когда нас пороли впервые.[15]
– Начиная с пятнадцатилетнего возраста спартанские подростки получали право

ношения оружия, которым их награждали по окончании праздника в честь Артемиды Орифии. Во время этого праздника их нещадно секли на алтаре ивовыми прутьями и часто забивали до смерти.]

На этот раз всеобщий взрыв хохота заставил Тараса вздрогнуть. Смеялись даже молодые. Боец спецназа смотрел на них тайком, вытаращив глаза, как на полоумных мазохистов или клуб малолетних самоубийц.

– А молодые станут настоящими спартиатами, – продолжил Плидистрат свою мысль, – и получают оружие. Но тебе, Эномай, – заявил он, внезапно пнув ногой под зад наклонившегося за поленом пацана лет десяти, – это пока еще не грозит.

Под очередной взрыв хохота парень упал, ударившись лицом о камень и разбив нос, из которого потекла кровь. Тарас ожидал, что пацан разревется. Но Эномай только стиснул зубы, остановив рвавшиеся наружу слезы, и размазал рукой кровь по лицу, молча глядя на того, кто его так унизил, взглядом обиженного волчонка.

– Молодец, – похвалил его обидчик. – Иди, умойся. Из тебя со временем выйдет толк.

А когда пацан, отбросив все еще зажатое в руке полено, пошел к ручью, исчезнув в темноте, добавил, обернувшись к своему собеседнику:

– Крепкий у тебя брат, прямо как ты.

– Да, в нашем роду все хорошие бойцы, – ответил Книд, погладив свой сломанный нос.

– Помнишь, как год назад мы с тобой схватились у моста через Эврот из-за того, кто пройдет по нему первым? – поинтересовался все таким же веселым тоном Плидистрат, упершись кулаками в бока.

– Отлично помню. Хорошая была драка, – кивнул Книд, словно вспоминая лучшие моменты жизни, – ведь я запустил в тебя камнем.

– Я тогда сломал тебе нос, – похвалился Плидистрат.

– А я тебе едва не сломал ребро, – напомнил Книд, не оставшись в долгу, – а нос – ерунда. Он после этого стал только красивее.

И оба расхохотались, хлопнув друг друга по плечу.

Слушая эти разговоры, а в особенности имена и названия, которыми сыпали сегодня на редкость разговорчивые парни, Тарас вдруг начал осознавать, что находится не в России. Приходившая в порядок память услужливо подсказала ему, что такие боги, как Артемида, почитались в Греции. В Древней Греции. А промелькнувший «спартиат» наводил на мысли только о Спарте и больше ни о чем.

Тарас остолбенел от такого предположения. «Я в Спарте? Посреди Древней Греции? Как такое, черт побери, могло произойти? Ведь я живу в двадцать первом веке, а здесь не пойми какой». Однако все, что он успел повидать, пережить и услышать за эти дни, служило тому подтверждением, выстроившись во вполне логичную цепь: и мертвый парень в странной одежде, и крестьяне с мотыгами вместо тракторов, и эти бандитского вида спартиаты, охотившиеся на людей. Все это, вместе взятое, могло быть неправдой только в одном случае: он окончательно свихнулся от контузии и потерял связь с реальностью. Но день здесь так же сменял ночь. Рана на боку болела вполне реально, а запах жареного мяса, доносившийся от костра, тоже был реальным. Как и те, кто продолжал разговаривать у огня, где вдруг вспомнили про него самого, заставив внутренне напрячься и замереть.

– Что-то Гисандр не ко времени свалился, – вновь заговорил Плидистрат, переступив с ноги на ногу и втянув носом запах уже почти готового мяса. – Они ведь с Деметрием придумали отличный урок для устрашения илотов, как нам и приказывали. Нападение на деревню ночью.

Он помолчал, сглотнув слюну.

– Подберемся незаметно, ворвемся в пару домов, как и хотел Гисандр, да захватим самых смелых илотов. Дома уже разведаны, мелкота несколько дней по деревне бродила, подслушивая, кто против эфоров да царей разговоры заводит. Осталось только напасть на спящих, увести в горы, а уж здесь мы им

кишки выпустим.

Теперь Плидистрат замолчал от предвкушения события, которое ему доставляло гораздо больше удовольствия, чем поедание зажаренного свиного мяса после длительного воздержания.

– Ничего, он крепкий боец, – отмахнулся Книд. – Несмотря на большую рану, вставал уже несколько раз, я видел. А мы уж все думали, что он отправился в царство Аида. Но Архелон с Эгором над ним хорошо поработали. Теперь скоро будет снова с нами.

– Конечно, ведь он и придумал, как навести ужас на илотов Мессении[16 - Мессения – некогда суверенное государство, граничившее со Спартой на западе полуострова Пелопоннес до тех пор, пока спартанцы не напали на своих соседей и не захватили их страну, обратив ее жителей в илотов – государственных рабов. Позднее для устрашения илотов и воспитания в воинственном духе подрастающего поколения спартиатов были введены так называемые криптии. Этот обычай предполагал ежегодное «объявление войны» уже завоеванному государству, после которого десятки отрядов (агел) из молодых спартанцев отправлялись бродить по Мессении с официальным приказом нападать и убивать всех наиболее сильных и способных на протест илотов.] так, чтобы нашу агелу[17 - Агела – дословно стая (греч.).] прославить больше других. Мы должны не просто убить ночного прохожего, а запугать большую деревню. И потому нас должно быть как можно больше. Не пойдем же мы без него, ведь здесь важен каждый. Вот Деметрий и приказал ждать, пока он придет в себя.

– И чего они подрались из-за этого пьяного илота?[18 - В воспитательных целях спартанцы силой заставляли илотов напиваться и распевать песни, а потом насмехались над ними, стремясь показать молодому поколению, что пьянство – это зло.] – удивленно покосился на Тараса горбоносый Книд, вспоминая недавние события. Но Тарас сделал вид, будто спит глубоким сном. – По нашим законам тот должен был умереть на глазах молодежи, чтобы они навсегда запомнили, что пьянство – это страшный порок.

– Одни боги знают, что пришло Гисандру на ум, – пустился в размышления больше других любивший почесать языком Плидистрат, также поглядывая в сторону «спящего». – Ведь его незадолго до этого хорошенько побили, а потом ударили палкой по голове. А еще раньше он один бродил много дней вокруг вершин Тайгета[19 - Тайгет – горный хребет, отделявший территорию Лаконии

(Спарты) от Мессении. В древности государство спартанцев именовалось Лакония (Лакедемон), а Спартой изначально называлась только группа из четырех-пяти поселений на правом берегу реки Эврот в центре Лаконии. Позднее вся территория расширившегося государства стала именоваться Спартой.] в поисках кабана, которого хотел посвятить Аполлону.

И, чуть отвернувшись в сторону, добавил, понизив голос, но Тарас все же услышал.

– Наш Гисандр хоть и крепок телом, мог слегка помутиться умом. Вот и бросился на Деметрия, а тот решил, будто Гисандр захотел занять его место вожака агелы, и ударил ножом. Деметрий не любит соперников.

– Это уж точно, – согласился Книд, поглаживая свой нос, которым снова втянул напоенный ароматом сочного мяса вечерний воздух, – но хватит о драках. Наш ужин готов. Пора приниматься за еду, пока он не остыл.

– Да простят нас боги за это чревоугодие в столь поздний час, – воздел руки к небесам Плидистрат и, окликнув Эномая и одного из его ровесников, приказал: – Снимайте тушу, и тащите ее вон на тот камень, укрытый листьями. Я буду разделять ее сам.

И в подтверждение своих намерений достал из ножен свое оружие. Вдвоем Эномай с другом не справился, и пришлось подключать еще одного. Когда они втроем наконец притащили пышущего жаром поросенка на разделочный камень, находившийся метрах в пяти от Тараса, тому в нос ударили такие запахи, что зверски голодный боец решил немедленно проснуться. И начал было уже разворачиваться к месту предстоящего пиршества, но тут невдалеке послышался шорох, и на поляну выступили из темноты окружавших ее деревьев человек десять во главе с Деметрием.

– Я, кажется, вовремя, – сказал хриплым голосом Деметрий, сваливая с плеча на камни связку недавно убитых птиц.

– Хвала богам, ты явился как раз к ужину, – подтвердил Плидистрат, вонзая свой нож под лопатку свинье и привычным движением отделяя мясо от хребта, а затем переключаясь на филейные части, – вернее, для нас это будет настоящий пир.

– Что же, – согласился Деметрий, присаживаясь на камень с видом вожака и поглядывая, как остальные его спутники сваливают свою добычу рядом с брошенной на камни птицей, – совсем скоро мы забудем, что такое есть досыта.

– Уже забыли, – хохотнул Книд.

Но Деметрий смерил его таким взглядом, что следующие слова застряли в глотке у Книда.

– Пир в нашей жизни и еда досыта скоро станут редкими, – повторил Деметрий тоном умудренного опытом бойца, словно ему было не девятнадцать с небольшим, а все сорок, – а потому отпразднуем сегодня. Ведь, если захотят боги, завтра может и не наступить.

Все собравшиеся ответили на слова Деметрия одобрительным гулом. А Тарас вдруг раздумал «просыпаться», чувствуя, как сжались от гнева его кулаки. Он боялся, что если встанет, то немедленно испортит всю обедню этим кровожадным маньякам, кем бы они ни были на самом деле и где бы они сейчас ни находились: в Греции или в России.

– Оставьте хороший кусок мяса Гисандру, – вдруг услышал он слова Деметрия, – как очнется, тоже захочет есть.

«Заботливый, сволочь», – подумал Тарас, все еще пребывая в молчаливом гневе. Но постепенно ему на смену приходили странные ощущения, что для этих парней драка друг с другом, в том числе и насмерть, не была поводом для прекращения дружбы. Словно переломав друг другу ребра, носы и порезав ножами, можно было оставаться закадычными друзьями. Но все, что он услышал, наводило именно на такие размышления. «Высокие, – вспомнил он фразу из любимого фильма, – высокие отношения».

Глава седьмая

Последний пир

Пролежав еще минут десять, Тарас не выдержал и осторожно сел на своей лежанке из тростника. Надо было как-то заново налаживать отношения, тем более если все, что он слышал, было правдой, хотя он сам еще не верил до конца в то, что находится в древней Спарте. Слишком уж невероятным выглядело такое предположение.

Несмотря на царившее по соседству веселье и приготовления к ужину, хруст тростника слышали. На звук обернулись несколько человек, включая Деметрия.

– Наш Гисандр очнулся! – издевательски воскликнул тот, приняв, однако, такой вид, словно ничего не случилось. А указав на почти разделанную свинью, добавил: – Присоединяйся, Гисандр, сегодня мы пируем.

– Я не голоден, – выдавил из себя Тарас, кулаки которого невольно сжались при виде обидчика. Однако он слегка успокоился, увидев несколько свежих шрамов на лице Деметрия, с удовольствием вспомнив, как возил его лицом о камни.

«Хоть какое-то утешение», – промелькнуло в мозгу спецназовца, размышлявшего, как ему получше войти в роль. Язык языком, но местных реалий он еще не знал, чтобы вести себя уверенно. Однако что-то надо было сказать еще. На него, словно на ожившую мумию, смотрели сразу несколько человек, а прямой отказ мог снова спровоцировать драку с Деметрием. Хоть Тарас и был не прочь поквитаться за рану, но слабость еще давала о себе знать. Все шансы были у Деметрия. Так что лучше было обождать, никуда этот главарь не денется от него. Ведь, судя по тому, что он слышал, прикидываясь спящим, Гисандр, то есть он сам, был вторым человеком в этой стае.

– Хотя ты прав, – сделал над собой усилие Тарас, вставая, и шагнув поближе к огню, – следующий пир будет не скоро. Так что дайте-ка мне кусок пожирнее.

Смотревшие на него парни в накидках и с кинжалами у пояса, заулыбались. Им пришлось по сердцу, что между двумя самыми сильными бойцами агелы снова наступил мир. Пусть даже временный. Деметрий, привыкший быть лидером, быстро уловил общее настроение, натянуто усмехнулся и нарочито громко заявил:

– Рад, что ты не ушел от нас в царство Аида. Мне было бы жаль отправлять туда столь хорошего бойца из-за жизни презренного илота.

Тарас предпочел промолчать, усаживаясь на камень у огня. А Деметрий между тем разорвал сильными руками свой кусок жареной свинины надвое и протянул одну часть Тарасу в знак примирения. Меньше всего спецназовцу хотелось есть из рук этого кровожадного ублюдка, каким он считал Деметрия до сих пор, но кто знает, как повернется жизнь дальше. И каковы местные обычаи, если его действительно занесло в древнюю Спарту. Услужливая память подсказывала, что с людьми здесь обращались не лучше, чем с животными. Тем более с рабами, жизнь которых ценилась еще меньше. Поэтому Тарас мясо взял и впился в него зубами, откусывая сочный кусок. Но с выводами решил повременить. Приглядеться надо, разведать, что к чему.

Остальные члены агелы снова загомонили, разбирая куски мяса, нарезанные щедрой рукой Плидистрата. Со всех сторон слышались шутки и смех. Допущены к еде были все, включая молодежь. Пир на взгляд Тараса выходил скудный: мясо, овощи и несколько кувшинов с речной водой в глиняных кувшинах. Не пир, а так, плотный перекус для оголодавших бойцов, да и только. Никакого вина или папирос Тарас не увидел, как-то машинально отметив, что подрастающие бандиты так не гуляют: без водки и курева. Новое наблюдение еще больше огорчило его, укрепляя внезапно возникшую депрессию.

«Может быть, – втайне надеялся Тарас, проглатывая первый кусок и смахивая каплю жира с подбородка, – все это игра больного воображения и в один прекрасный момент я очнусь в больничной палате, вспоминая все это как страшный сон».

Пока, однако, вокруг бурлила настоящая жизнь. И она, едва Тарас оторвался от спасительного тростникового ложа, сразу начала затягивать его в свой водоворот. Хотя теперь Тарасу следовало привыкать к имени Гисандра, под личиной которого он до сих пор скрывался среди членов этой стаи, имевшей, похоже, какой-то приказ от неизвестного ему пока командного центра. И отделаться от участия в общей жизни стаи молодых спартиатов, как они себя называли, теперь было уже очень трудно. Если он действительно волею судьбы оказался в Спарте, то бежать куда-то одному и скитаться без провожатых бессмысленно, – прямая перспектива угодить в рабство. Лучше уж попытаться втереться в доверие к этим спартиатам, раз уж повезло оказаться среди граждан. Осмотреться, понять, что к чему. А там посмотрим. Единственное, что волновало Тараса в этом случае, – необходимость принять местные законы и обычаи. А они, как Тарас успел догадаться, были не из самых демократических. Но другого выхода он пока не видел.

– Завтра мы собирались напасть на деревню илотов, которая находится в дне пути вниз по течению ручья, – напомнил Деметрий и уточнил слегка издевательским тоном, свойственным, впрочем, тому же Плидистрату и остальным, – ты уже крепко стоишь на ногах, Гисандр?

– Крепко, – отмахнулся Тарас, доедая свой кусок мяса, который заметно прибавил ему сил и хорошего настроения, – и нож я тоже держу неплохо.

– Значит, завтра к вечеру выступаем, – кивнул довольный Деметрий, ухмыльнувшись и вытирая жирные руки о край своей накидки, – я поведу основную часть агелы, а ты с остальными перекроешь дорогу на юг.

– Ты угостил меня хорошим ударом, – решил схитрить и потрафить командиру Тарас, на самом деле желая получить от него больше сведений относительно ночного налета, – и пока я лежал в бреду, кое-что позабыл. Расскажи. Что мы собирались сделать с илотами?

Деметрий усмехнулся, откусил часть луковицы и съел ее, запив водой из кувшина, пробормотав при этом что-то нечленораздельное типа: «Бывает». Лльстивое обращение ему явно понравилось, и он снизошел до повторения.

– Мы разделимся на две неравные группы. В каждой из них будет пополам молодых и взрослых бойцов, – начал издали Деметрий, поглядывая, как быстро с камня исчезли остатки жареной туши, – с большей я нападу на крупную деревню илотов, в которой стоит сорок домов. А ты перекроешь дорогу, как я и говорил. У тебя будет четверо опытных бойцов и семеро молодых.

– Не густо, – заметил Тарас.

– Илоты трусливы, – отмахнулся Деметрий, – и боятся нас, как божественного огня. Думаю, тебе даже не придется вступать в драку.

– Значит, вся слава опять достанется тебе? – вдруг неожиданно для себя выпалил Тарас, хватаясь за ножны и наклоняясь вперед. По выражению лица Деметрия, который едва не вскочил от мгновенно охватившей его ярости, и еще нескольких бойцов он понял, что попал в точку. Именно таким здесь и привыкли видеть Гисандра. Постоянно оспаривающим власть командира агелы. Видимо,

как стал догадываться Тарас, назначенного кем-то из взрослых. Поощрялось это или порицалось местными порядками, было не ясно, но настоящий Гисандр вел себя именно так. В памяти промелькнули следы жестокой порки на спине у заваленного теперь камнями трупа. «Видать, мой двойник был остер на язык, – решил Тарас, – за что и попадал под горячую руку своих воспитателей».

Но Деметрий сдержал себя, снова напустив безразличный вид.

– В этой деревне много илотов, – продолжил он, выдержав паузу и проследив за рукой Тараса, которую тот медленно убрал с ножен кинжала, – На всех хватит. А самые опасные среди них четверо. Это мне донес Эномай. Он дольше всех под видом пастуха из дальних деревень бродил по деревне, слушая разговоры илотов и выпрашивая еду.

Деметрий усмехнулся и добавил, оглянувшись на сидевшего неподалеку пацана.

– И ему даже подавали, поверив, что он пастух. Правда, большую часть еды он все же украл, как и следовало.

Тарас не понял, зачем красть еду, если ее и так дают, но промолчал.

– Так вот, Эномай рассказал, что больше всего возбуждают народ разговорами против «ненавистных» царей[20 - В отличие от остальной Греции, где монархии были уничтожены еще в архаический период, в Спарте существовала не просто монархия, а диархия – власть сразу двух равноправных царей, происходивших из династий Агиадов и Эврипontiдов. Власть была наследственной и пожизненной. Если не случалось иначе, после смерти царя власть переходила к старшему сыну.] и эфоров четверо илотов, которые живут на северной оконечности деревни со своими семьями. Это сильные, но старые мужчины, однако они могут оказать яростное сопротивление. Есть и еще несколько, но те живут на другом конце деревни. Поэтому, если они вступятся за своих, то и на твою долю хватит славы.

Тарас сделал вид, будто удовлетворен объяснением, и кивнул.

– Подберемся незаметно, когда все будут спать, – закончил мысль довольный собой Деметрий, – захватим бунтарей. Часть казним на месте, для острастки. А парочку уведем с собой. Молодым надо набивать руку.

Глядя на Деметрия, в глазах которого во время рассказа о планируемых убийствах играл нездоровый блеск, Тарас лишний раз убедился, что все происходящее с ним, – реальность. Жестокая, но реальность. И раздумывать некогда. Ему придется выбирать прямо сейчас. Ведь если он пойдет вместе с агелой, то, возможно, ему тоже придется убивать ни в чем не повинных крестьян. И не из автомата, а собственноручно. Такой уж здесь обычай.

«Черт побери, – мысленно выругался Тарас, отворачиваясь в сторону, – иначе, похоже, никак. Ладно, постерегу со своим взводом дорогу; может, обойдется без кровопролития. А там посмотрим».

– Эй, Плидистрат! – окликнул Деметрий долговязого парня, травившего своим друзьям очередную байку: – Я смотрю, мясо у нас закончилось, а пир в самом разгаре.

– Прикажешь зажарить козленка? – уточнил Плидистрат, возвращаясь к своим обязанностям повара.

– Да, тащи его сюда, – приказал командир агелы, – я лично приготовлю его.

Тарас, давно расправившийся со своим куском мяса, на что его слипшийся от долгой пустоты желудок ответил радостным урчанием, с удивлением следил за происходящим. Его терзало смутное предчувствие, что сейчас состоится какое-то жертвоприношение. Плидистрат и Книд, схватив связанного, но упирающегося козленка за рога, приволокли его поближе к огню. Козленок блеял от страха, но его голос быстро потонул во всеобщем веселье по случаю продолжения пира.

Жертвоприношения не состоялось. А вся «подготовка» туши для ужина свелась к тому, что Деметрий просто схватил животное за рога, вынул кинжал, перерезал козленку горло, распорол ему живот до самого низа и долго держал голову на весу, сливая кровь на камни.

Тарас хоть и был не из самых чувствительных, но смотреть на агонию животных не любил. А потому опустил взгляд и уставился на лужу крови, которая образовалась у ног Деметрия рядом с костром. Но командир агелы истолковал этот взгляд по-своему.

– Завтра мы все равно уйдем отсюда, так что мухи нам не страшны, – сказал он Тарасу, отбрасывая от себя тушу козленка, быстро подхваченную ловким Плидистратом, – снимите с него шкуру да зажарьте поскорее.

А когда спустя всего десять минут Плидистрат вернулся со шкурой козла и положил ее под ноги Деметрию, тот вдруг спросил, обращаясь сразу ко всем членам агелы:

– А где наш лучший кифаред? Я хочу петь.

– Верно, – раздались голоса. – Какой же пир без песен.

– Эй, Орест, неси сюда свой инструмент! – крикнул оказавшийся рядом Книд. – Мы будем петь веселые песни.

«Ну сейчас начнем гулять на всю ивановскую», – впервые от души усмехнулся Тарас, заметив, как на зов к костру протолкался сквозь более рослых соплеменников невысокий Орест. Длинноволосому парню было лет пятнадцать, одет он был, как и все, а когда сел, то на его коленях Тарас заметил какие-то деревянные гусли с натянутыми вдоль них струнами из неизвестного материала. Спецназовец был заинтригован. Такого он еще не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Эфор – от греческого «надзирающий» – высшая судебная должность в Спарте. В первые годы появления должности эфоры, скорее всего, назначались царем для его замещения во время военных походов. В обязанности эфора (всего их было пять) изначально входили только судебные функции в гражданских делах. Но постепенно эфорат расширил свои полномочия, выйдя из-под контроля царей. А вскоре сам поставил под контроль общины царскую власть. Эфоры выбирались на один год. Переизбрание на второй год запрещалось.

2

Аргивцы – граждане города Аргоса в Аργοлиде, соседствующего со Спартой. По большей части Аргос – постоянный противник Спарты, спорящей с ним из-за Кинурии, территории, примыкавшей к северной границе ее владений.

3

Стадия (греческая) – расстояние, равное 178 метрам.

4

Пифия – прорицательница, через которую «говорил» Аполлон. Стоявшие рядом жрецы записывали ее слова и давали ответ вопрошавшему в стихотворном и довольно «туманном» виде.

5

Адитон – внутренняя часть храма.

Мойры – богини человеческой судьбы. Слово «мойра» по-гречески означает «доля», «часть», что символизирует участь, которую при рождении получает человек. Греки изображали их в виде трех старух – Клото, Лахесис, Атропос, – прядущих нити судьбы.

Государство спартанцев на полуострове Пелопоннес в древности именовалось Лакедемон, а Спартой назывались лишь несколько поселений на правом берегу реки Эврот. Впоследствии название этого политического центра в области Лакония перешло на все принадлежащие государству (как исконные, так и завоеванные) земли.

Спартиаты – так называли себя полноправные спартанские граждане.

Все совпадения имен персонажей с реальными людьми случайны.

Берцы – высокие шнурованные ботинки из кожи.

11

Лифчик – так в просторечии называют разгрузочный жилет бойца спецназа, предназначенный для равномерного распределения веса боевого снаряжения.

12

Главное Управление Исполнения Наказаний (в данном случае по Санкт-Петербургу и Ленобласти).

13

Обычно «Тайфун» не выезжает в колонии для несовершеннолетних. Данная ситуация целиком вымышлена.

14

Все возможные совпадения имен героев с реальными историческими персонажами случайны. За исключением имен некоторых царей, действительно живших в этот период.

15

Начиная с пятнадцатилетнего возраста спартанские подростки получали право ношения оружия, которым их награждали по окончании праздника в честь Артемиды Орифии. Во время этого праздника их нещадно секли на алтаре ивовыми прутьями и часто забивали до смерти.

16

Мессения – некогда суверенное государство, граничившее со Спартой на западе полуострова Пелопоннес до тех пор, пока спартанцы не напали на своих соседей и не захватили их страну, обратив ее жителей в илотов – государственных рабов. Позднее для устрашения илотов и воспитания в воинственном духе подрастающего поколения спартиатов были введены так называемые криптии. Этот обычай предполагал ежегодное «объявление войны» уже завоеванному государству, после которого десятки отрядов (агел) из молодых спартанцев отправлялись бродить по Мессении с официальным приказом нападать и убивать всех наиболее сильных и способных на протест илотов.

17

Агела – дословно стая (греч.).

18

В воспитательных целях спартанцы силой заставляли илотов напиваться и распевать песни, а потом насмехались над ними, стремясь показать молодому поколению, что пьянство – это зло.

19

Тайгет – горный хребет, отделявший территорию Лаконии (Спарты) от Мессении. В древности государство спартанцев именовалось Лакония (Лакедемон), а Спартой изначально называлась только группа из четырех-пяти поселений на правом берегу реки Эврот в центре Лаконии. Позднее вся территория расширившегося государства стала именоваться Спартой.

20

В отличие от остальной Греции, где монархии были уничтожены еще в архаический период, в Спарте существовала не просто монархия, а диархия – власть сразу двух равноправных царей, происходивших из династий Агиадов и Эврипontiдов. Власть была наследственной и пожизненной. Если не случалось иначе, после смерти царя власть переходила к старшему сыну.

Купить: https://tellnovel.com/zhivoy_aleksey/spartanec

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)